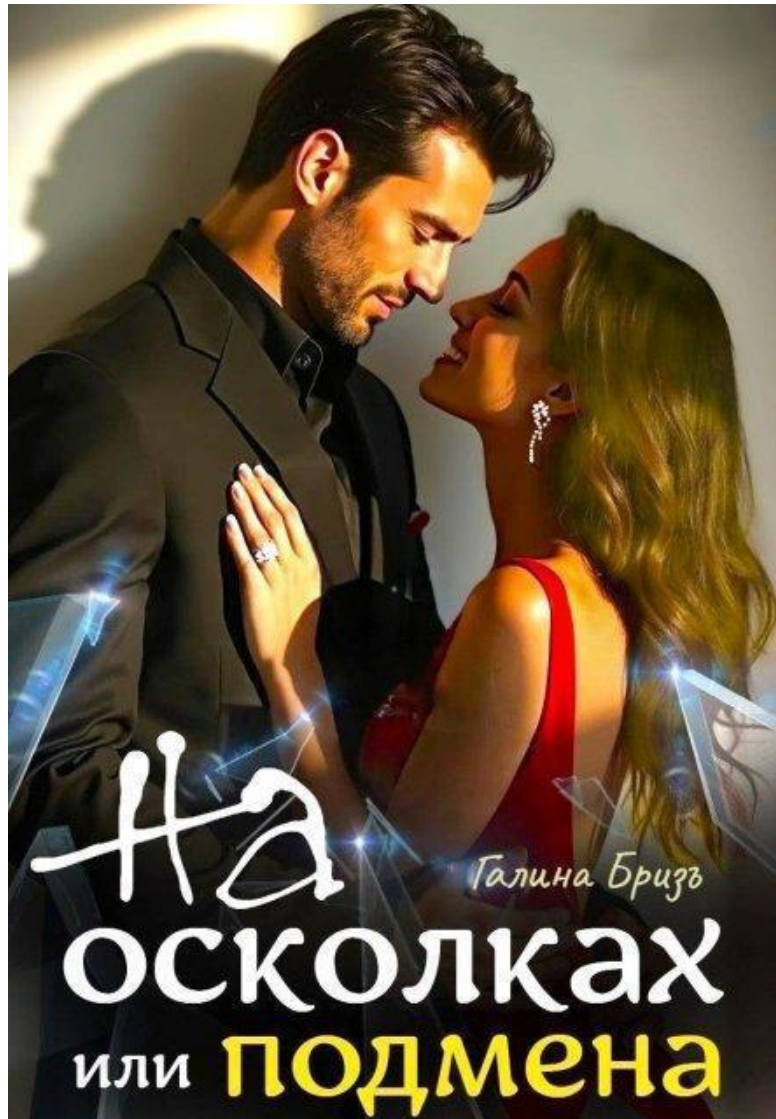

Жа
осколках
или **подмена**

Галина Брызз

Галина БризЪ

На осколках или подмена

<https://litres.ru/74207887>

Аннотация

Сестра попросила: «Съезди на отдых с моим женихом. Скоро приедет бывший, нельзя, чтобы они встретились. Хочу понять, которого выбрать».

Почему бы и нет? Однако всё пошло не по плану. Казалось бы, всё справедливо: каждой девушке — по принцу, и все счастливы. Но жизнь полна сюрпризов. Иногда преподносит волшебные подарки, а порой — жестокие уроки. Прекрасный принц оказался с «червоточиной». А тот, о ком боялась и думать — настоящим мужчиной.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Звонок	7
Глава 2. Родственники	12
Глава 3. Хитрый	17
Глава 4. У Вики	22
Глава 5. Меценат	27
Глава 6. Основная причина	32
Глава 7. Глеб	37
Глава 8. Пикировка	41
Глава 9. Аэропорт	46
Глава 10. Трусиха	51
Глава 11. Полетели	56
Глава 12. Турбулентность	62
Глава 13. Мечта поэта	68
Глава 14. Дворец	74
Глава 15. Первый день	81
Глава 16. Сказка	87
Глава 17. Инцидент	93
Глава 18. Актёр	99
Глава 19. Блицкриг	105
Глава 20. Собственник	109
Глава 21. Разиня	114
Глава 22. Игра	120

Глава 23. Упс...	126
Глава 24. Реальность	131
Глава 25. Виновник	136
Глава 26. Восвояси	141
Глава 27. Встречающий	146
Глава 28. В гостях	151
Глава 29. Лицедейство	156
Глава 30. Утро	162
Глава 31. Дома	168
Глава 32. Гость	175
Глава 33. Тесты	180
Глава 34. Мерзость	186
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Пролог

Тяжёлые, плотные шторы надёжно защищали комнату от лучей южного солнца и сохраняли интимный полумрак. По периметру окна и сквозь щели в небрежно сдвинутых занавесках несмело просочился рассвет, впуская прекрасное будущее. Родился новый день, и он начался счастьем.

Хотелось взлететь на крыльях, подаренных любимым.

Девушка, затаив дыхание, с обожанием рассматривала правильные черты избранника. Они всё рельефнее прорисовывались на контрасте утреннего света и теней. На скулах и мужественном подбородке появилась тёмная щетина, она заметно отросла за сутки.

Перевела взгляд на изящный нос... Красивые губы.

Смущённо вздохнула и покраснела, вспомнив их вкус и то, как они умеют любить.

Любимый пошевелился, забавно всхлипнул, сбиваясь с сонного ритма. Не поднимая век, прижал к груди. Со сладостным стоном зарылся лицом в её волосы, нежно целуя и вытягивая их аромат. Она блаженно зажмурилась.

– Вика... Викушка... Викуля... – жарко шепнули мужские губы.

Полина вздрогнула и окаменела. Щёки обожгло, словно с них содрали кожу. Объятия мгновенно стали жёсткими,

неудобными, шея моментально затекла.

Мужчина открыл глаза и тоже замер. Нервно сглотнул, расцепляя руки. Резко отодвинулся, с хмурым испугом рассматривая соседку по постели.

Несколько секунд они разглядывали друг друга, будто увиделись впервые. В глазах царило смятение.

Глава 1. Звонок

Двумя неделями ранее...

Негромко пиликнул телефон, в углу экрана повисла зелёная трубочка, оповещающая о входящем сообщении: «Полинка, загранпаспорт получила?»

Она вскинула брови, прочитав имя отправителя – Виктория. Двоюродная сестра из столицы.

Удивительно... Что-то случилось?

Родственница писала крайне редко. Буквально один-два раза в год и только по уважительному поводу. Почему сегодня она вдруг вспомнила о ней?

Текст немного озадачил: не поприветствовала, проскочила предисловия, стандартные реверансы, так, будто они продолжили прерванную пять минут назад беседу, и с налёта задала вопрос, который породил тьму разных предположений.

Если бы не обращение по имени, можно было решить, что сестра ошиблась и отправила сообщение не тому человеку.

Хотя, если вспомнить, то такая спонтанность как раз и характерна для Вики. Она девушка активная, не любительница сантиментов, ценит каждую минуту своего драгоценного времени и сразу переходит к сути.

Пальцы Полины запорхали по экрану, торопливо набирая ответ: «Привет! Да, паспорт получила».

Подумав, добавила вежливое: «Как у тебя дела?» и улыбающийся смайлик. Нажала стрелочку «отправить».

Галочки возле текста сразу же стали синими: сообщение прочитано.

С любопытством подождала несколько секунд, не закрывая экран. Но оповещение «Виктория печатает...» не пришло.

Следовательно, та не спешила внести ясность. Или же и правда ошиблась? Мало ли у неё знакомых с таким же именем.

Вздохнув, убрала сотовый в карман и уткнулась в пыльное окно автобуса, рассеянно наблюдая за мелькающими между зеленью деревьев облаками в бездонном небе и придорожными перинами из тополиного пуха.

Они не были близки с сестрой. Последний раз виделись пять месяцев назад на похоронах бабушки, где впервые за минувшие годы пообщались относительно душевно.

После того дня Вика не напоминала о себе. Впрочем, то же самое можно сказать и о Полине. Она тоже не беспокоила столичных родственников и не навязывалась в закадычные приятельницы.

Наверное, потому что кухни находились на разных полюсах по достатку. В детстве это не имело значения, девочки были на равных: замечательно дружили и играли вместе, ко-

гда московская внучка приезжала к общей бабушке на лето.

То время давным-давно прошло. С наступлением подросткового возраста лёгкость в отношениях померкла, а потом и вовсе исчезла. Девушки отдалились друг от друга, оставаясь сёстрами чисто номинально.

Полина, словно застряв в прошлом, так и жила вдвоём с бабулей в квартире послевоенной постройки на окраине областного города в трёх часах езды от столицы. А Виктория с переходом во взрослость растворилась в ритмах нового времени, и пресное житьё-бытьё скромных родственников не вписывалось в круг интересов современной девушки.

Неожиданно телефон снова ожил: входящий звонок от Виктории Новиковой.

В груди потеплело: значит, всё-таки сообщение отправлено не ошибочно? Сестра действительно вспомнила о ней.

– Привет, Полинка! – трубку взбудрил энергичный голос.
– Удобно разговаривать?

– Привет. Да, удобно. Рада тебя слышать, – улыбнувшись, с некоторой настороженностью отозвалась та, ожидая продолжение.

– Угу, – удовлетворённо отметила Вика, словно по-иному и быть не могло: её звонок доставляет радость. – Я по какому поводу звоню: помнишь, ты зимой говорила, что бабуля мечтала сделать подарок и отправить тебя на недельку в Турцию?

– Да. Она подкопила на это деньги, – грустно вздохнула

Полина, машинально качнув головой, словно собеседница её видела. – Но ты же знаешь, всё изменилось. Не до загрантуров. Честно говоря, не на что ехать. Завещание оформлено на меня, но не вступило в законную силу. Ещё месяц ждать. И сумма на счёте скромная, нельзя на развлечения тратить. Надо за учёбу оплату внести, не бросать же институт на последнем курсе.

– Отлично! Значит, путешествие стало несбыточной мечтой, – непонятно чему обрадовалась москвичка. – А теперь держись!

Выдержав театральную паузу, торжественно продолжила: – У меня есть суперпредложение! Ты же до осени свободная, на каникулах сейчас, правильно?

– Да, – заинтриговано подтвердила Полина, не понимая, что может быть отличного в её несколько не завидном положении.

– Бросай все дела, собирай вещи и дуй ко мне на первом поезде! Бери купальник, босоножки, парео, шорты... Всё, что надо для пляжа. Поедешь на две недели в Турцию. Бесплатно! Подробности расскажу при встрече.

– Куда?! А как? Какие условия? С кем? Когда? Почему бесплатно? А что надо делать? – опешила Полина. Вопросы посыпались быстрее мыслей.

Вика, страшно довольная реакцией и произведённым эффектом, расхохоталась:

– Не дрейфь! Всё безопасно, и от тебя ничего не требует-

ся. Это стандартный пакетный тур по системе «Всё включено». Считай, подарок от меня. Завтра или крайний срок послезавтра утром жду тебя в Москве. Сообщишь номер поезда и вагона, я подъеду на вокзал.

Знакомимся! Главная героиня романа – Полина. Ей двадцать один год. Её забавная и вызывающая фамилия говорит сама за себя – Поперечная.

Глава 2. Родственники

После пяти минут беседы с сестрой Полина вывалилась из автобуса красная, взбудораженная и в полном раздрае.

Вика, как фееричный вихрь из другого измерения, ворвалась в её размеренные, уныло волокущиеся будни и всё перевернула.

Голова раздражённо бурлила от мыслей: «Не-не, никуда я не поеду с бухты-барахты. Куда это годно: в одночасье сорваться и помчаться за тридевять земель! Лучше работу на лето поищу».

Змеёй шипело искушение: «А что я теряю? Торчу, никому не нужная, в квартире. Ни одной души рядом, ни котёнка, ни мышонка. Или оттянуться две недели в сказке, на море... Эх... Обидно упустить диковинный шанс».

Тревожно стукнуло сердце: «Разве так бывает? Все знают, бесплатный сыр только в мышеловке».

И тут же, укоризненно цокнув, успокоила себя: «Вот паникёрша! Предложение исходит не от чужого человека».

Если подумать, то поездка в Турцию только для неё экзотика и космически дорогое удовольствие. А благополучная Вика может позволить сей щедрый жест, учитывая возможности её отчима, дяди Саши.

По слухам, дела того в последнее десятилетие пошли круто в гору.

Настолько, что он без ущерба финансам подарил падчерице, когда та достигла совершеннолетия, квартиру в новостройке.

Внутри девушки всколыхнулось муторное ощущение, переходящее во враждебность, когда вспомнила, как дядя Саша приехал на похороны бабушки с женой, которая являлась одновременно родной тётей Полины и матерью Вики.

На улице мела метель, было холодно и беспробудно серо – конец января.

Мужчина клопочуще вздыхал, морщился. С откровенно кислым видом рассматривал их старую квартиру. Медленно и осторожно, словно по минному полю, перемещался по разошедшимся, скрипящим при каждом шаге половицам. Задерживался и, прислушиваясь, исследовательски покачивался на самых визгливых участках.

Долго разглядывал деревянные рамы в окнах, замазанные щели на стенах.

Несколько раз неверяще приблизил ладонь к треснутому стеклу и недовольно ткнул в заклеенный скотчем разлом:

– Оттуда дует! Неудивительно, что Татьяна Николаевна заболела воспалением лёгких. И девочка тоже кашляет, – сердито добавил он, сверля чёрными глазами Полину.

Та виновато сжалась и инстинктивно спряталась за спину его жены – своей тёти Ани.

Да, она кашляла! И в квартире было холодно.

А что, дядя Саша думал, к олигархам попал?

Они вдвоём с бабушкой тянули на её пенсию и небольшую зарплату. Тем не менее нельзя сказать, что прямо бедствовали. Скромно жили. Очень скромно. И что из этого?

Привыкли, экономили, на самое главное хватало. Мебель у них была старая, но добротная. В квартире порядок, чистота. Ничего не раскидано, каждая вещь находилась на своём месте.

По мере ветшания самостоятельно переклеивали обои, белили потолки, красили батареи и оконные рамы. Не затевать же капитальный ремонт в полуразвалившемся доме? Только деньги выкидывать на ветер.

И нечего так грозно зыркать на неё! И без его критики тошно.

Поля бросила из-за плеча тёти обиженно-гордый прищур. Дядя её осуждает? Не объяснять же сейчас, что много раз хотела найти подработку, но авторитарная бабушка строго-настрого не разрешила это делать. Требовала, чтобы внучка училась на дневном: «Получишь образование, найдёшь хорошую специальность, вот тогда уволюсь и заживём нормально».

Однако пожилая женщина переоценила свои возможности и, увы, так и не справилась с болезнью.

Через несколько дней неразговорчивый отчим Вики без предупреждения нарисовался на пороге квартиры в сопровождении шумной бригады мужчин в синей спецодежде. Не особо вдаваясь в объяснения и не обращая внимания на

неуверенные взбрыки племянницы, дал распоряжения рабочим.

Те простукали стены, сделали замеры, расчёты, и спустя неделю их обветшалые окна красовались новенькими пластиковыми рамами. А вместо старой, обитой драным дерматином двери появилась новая металлическая. Красивая.

Вместе с металлоконструкциями грузчики внесли двухметровый холодильник. «Бэушный – бывший в употреблении», – буркнул дядя.

Поставили белую громадину на место их маленького, советского.

Вдобавок ко всем новшествам неулыбчивый муж тёти Ани до предела забил морозилку мясом и куриными тушками, полки завалил продуктами, а вдоль кухонных стен выгрузил коробки с консервами, макаронами, крупами и ещё непонятно чем.

Полина едва успевала крутить головой и суетливо отодвигать стулья, освобождая место.

– Не ерепенься! – прикрикнул благодетельствующий родственник, смерив её сердитым взглядом, когда, красная от внезапно свалившихся щедрот, она принялась фыркать и гордо отнекиваться. – Раз в месяц буду завозить тебе «гуманитарную помощь». На карточку денег закину. Немного. За коммуналку заплачено, долгов нет?

Проверив квитанции, удовлетворённо кивнул.

– Телефон мой запиши. Сложности возникнут – обращай-

ся. Институт не вздумай бросать, доучись. Лично проверю!

Ей было безумно стыдно, уши горели. Посторонний, в общем-то, человек, кто она для сего гордого господина? Все-го-навсего племянница жены. Но с высоты своего барского величия обрёк чувствовать себя должницей, взяв шефство над нею – бедной сироткой.

– Я всё обязательно отдам, когда начну работать, – спохватившись, твёрдо пообещала в широкую спину дяди Саши.

Он изумлённо оглянулся, закашлял и от души расхохотался:

– Конечно! Так и договоримся.

Глава 3. Хитрый

В тот визит он довольно странно поглядывал на Полину. С сочувствием, но в то же время сдержанно-иронично.

И не только.

Нет, не домогался, не делал никаких намёков. И вёл себя по-отечески доброжелательно, заботливо. Подкрутил дверцу шкафа, отбалансировал прыгающую стиральную машинку, намертво закрепил гардину, которая давно держалась на честном слове.

И вообще. Сунул свой горбатый нос во все места!

Вздыхнул:

– Ты, девочка, не обижайся на нас. Не знал, что вы бедствуете.

Но быстро оставил жалостливый тон и примирительно усмехнулся, увидев, как недовольно вскинулась Полина:

– Ладно, ладно, не возмущайся. Извини, не то слово подобрал. Похоже, ты гордая, как и твоя бабушка? Конечно, вы не бедствуете, – он сделал паузу и откашлялся, старательно подыскивая тактичные слова. – Просто цену деньгам знаете. Думаю, для тебя не секрет, что у меня не сложились отношения с Татьяной Николаевной. Недолюбливала она приезжих, считала, что я женился на её дочери из-за московской прописки. Анечка тоже не в курсе была вашего... э-э-э... скромного положения. Не могла к вам ездить, хоть и не работает.

Проблемы у неё со здоровьем.

Полина слушала вполуха, хмурилась, ничего не комментировала. С детства в присутствии дяди ощущала напряжение и необъяснимую неприязнь.

Мелькало в его лице что-то малопонятное. Пугающе-хищное. Похожее на скрытый интерес. Какое-то чисто мужское оценивающее любопытство.

К тому же давно, когда она была ребёнком, бабушка припечатала зятю позорный ярлык: «Сашка хитрозадый».

Конечно, она была дамой прямолинейной и резкой, поэтому использовала более грубое выражение, абсолютно нелитературное. Даже стыдное, если честно. Которое вызывало к его носителю ещё большее омерзение.

На каком основании бабуля сделала сей нелестный вывод, Поля не помнила и не задумывалась об этом. Но характеристика суровой родственницы засела в юном мозгу нерушимой аксиомой, и с той поры каждое действие неудобного дяди воспринималось через призму этого мнения.

Сейчас в хлёсткой оценке она утвердилась твёрдо и окончательно.

Всё правильно: Сашка хитрый. Это точно. Конечно, а с чего он взялся помогать ей? Какие у него мотивы?

В сказки о внезапно проснувшемся великодушии Полина не верила, каждый поступок коварного мужчины придирчиво анализировала и, разумеется, обязательно находила доказательства корысти.

Поэтому, когда вопреки критическому настрою и стойкому предубеждению в ней всё-таки начала проклёвываться невольная благодарность, надо заметить, вовсе уж неуместная и даже предательская по отношению к памяти бабушки, она очень обрадовалась, когда все уехали.

И вот теперь в её личное пространство вторгается подозрительная инициатива от Вики. Она хоть и двоюродная сестра, но помимо того как-никак член семьи «хитрозадо-го».

Да, предложение, безусловно, очень соблазнительное. Но одновременно волнительно-тревожное.

Наверное, потому, что было внезапным? Или же врождённая интуиция подсказывала, что добром оно не кончится?

«Вот ведь не было печали, – поморщилась девушка. – И нате: появилась. Свалилось искушение, выносящее мозг!»

Пометавшись полчаса в пустой квартире, Поля достала из дальнего угла шкафа, где в специальной коробке, запирающейся на ключ, среди прочих документов лежал её новенький загранпаспорт, ещё хранивший запах типографской краски. Мечтательно полистала чистые, плохо гнущиеся розовые страницы. В сотый раз рассмотрела собственную фотографию – неестественно блёклую и странную в чёрно-белом исполнении.

Прислушалась к шуму и привычно матюгающимся за стенкой пьяным соседям.

Застыла у окна, глядя на спрятанный в тени огромных то-

полей старый двор. Со ржавым остовом качелей без сидения, вытоптанными в траве тропками, спящим под скамейкой рыжим псом.

Вздрогнула от пронзительного визга собаки, которой наступил на хвост поднявшийся с места бич.

Взлетели и закаркали всполошённые вороны, в доме напротив звонко залаял щенок.

Нечленораздельно заорал, раздавая проклятья внезапно-му переполоху, его инициатор: синюшный бомж и, на ходу расстёгивая ширинку, спотыкаясь, побрёл к кустам.

Полина передёрнулась. Серdito раздув ноздри, отшатнулась от окна и решительно направилась в кладовку. Переворошив гору пакетов, связок и коробок, добралась-таки до старомодного чемодана с въевшейся в изгибы его причудливых узоров пылью прошлого тысячелетия.

Ничего! Зато с добротной выдвижной ручкой, прочными колёсиками и из натуральной кожи. Когда-то бабушка хвасталась, что в молодости привезла сей оплот надёжности из социалистической Болгарии.

Девушка распахнула створки платяного шкафа, подбочившись, окинула воинственным взглядом гардероб. Итак, что тут годится для забугорного пляжа?

Спустя два часа после начала сборов перекрыла краны с водой и газом, перепроверила запоры окон, отключила все электроприборы, кроме холодильника, и, печатая шаг, загромыхала по разбитому тротуару колёсиками своего чудного

багажа. Железнодорожный вокзал находился в двадцати минутах ходьбы от дома.

Ранним утром она уже мчалась в машине рядом с двоюродной сестрой по пронизанной летним теплом столице.

Дядя Саша...

Глава 4. У Вики

Вика, яркая и весёлая, как тропическая бабочка, порхала по просторной кухне: разогревала еду, ловко нарезала овощи и зелень, смахивала их в красивые тарелки и воодушевлённо болтала с Полиной.

А та как ахнула на пороге роскошной квартиры, так всё ещё не закрыла рот, восхищённо рассматривая потолок, стены, двери, современную мебель, технику, освещение, посуду, шторы – всё!

Пристыжено вспомнила собственное жильё: теперь понятно, отчего так вытягивались лица столичных родственников. Никакие попытки держать комнаты в идеальной чистоте, старания замаскировать или мудрёными ухищрениями отвлечь взгляды от дефектов не могли скрыть нищенскую убогость аварийного помещения, построенного без малого восемьдесят лет назад.

А в оформление данных квадратных метров, принадлежащих Виктории, вне сомнений, вложил душу профессиональный дизайнер.

Двоюродная сестра органично смотрелась и двигалась в интерьере третьего тысячелетия: высокая, гибкая, уверенная в себе.

Между девушками была разница в три года. Московская

была старше и с самого детства неизменно предводительствовала в их отношениях. Да и не только в их.

Она всегда и везде являлась лидером. И в дошкольные годы, и в подростковом возрасте маленькую худенькую Полинку никто не замечал на фоне яркой и бойкой кузины.

Справедливости ради надо заметить, что младшая никогда и не пыталась выделиться. Сколько себя помнила, всегда безропотно слушалась старшую и с обожанием смотрела той в рот.

Виктория воспринимала слепое подчинение как должное. В семье и среди сверстников ей вообще редко перечили.

– Молодец, что согласилась, – искренне радовалась Вика, ставя на стол тарелки с угощением.

Разлила по изящным чашкам какой-то удивительно ароматный чай, придвинула напиток сестре. Прозрачный вихрь из пара дразняще закружил по поверхности горячей жидкости.

– В Средиземном море поплаваешь, на солнышке погреешься, под пальмами погуляешь. Ты же не видела их наяву?

Получив утвердительный кивок, продолжила:

– Я проверила в интернете, отзывы об отеле хорошие. Питание в нём шикарное, морепродукты в ассортименте, фрукты свежие. Анимация с утра до ночи. То, что тебе и надо. А то совсем захирела в своём Мухосранске. Настроение поднимешь, от проблем отвлечёшься. Танцы-шманцы, обжиман-

цы, — она озорно подмигнула. — На отдыхе все мужики становятся свободными, игривыми, готовыми к подвигам. И здоровье поправишь, всё пойдёт на пользу. Морской воздух творит чудеса. Я помню, ты зимой ужасно кашляла.

Полина осторожно отхлебнула необычный красно-коричневый чай. Не удержавшись, причмокнула от удовольствия.

— М-мм... Как вкусно! — Полюбопытствовала: — Мы вместе поедем? В одном номере будем жить?

Вика, загадочно сверкнув глазами, хмыкнула. Гордо приподняла подбородок, скрестила руки на груди и заявила с мстительным торжеством:

— Нет!

Полина отвлеклась от чашки, с ужасом догадалась:

— Я одна там буду?!

Всё похолодело: как же так? Одна? Впервые в жизни оказаться так далеко от дома, аж сразу за границей, и без единого знакомого человека!

В чужой стране, не зная их языка, обычаев, нравов, законов.

— Не одна, — протянула Вика и многозначительно покачала пальчиком. — Именно об этом я хотела поговорить.

— А с кем? — упавшим голосом поинтересовалась младшая сестра. Начало не предвещало ничего хорошего.

Выдержав томительную паузу, старшая весомо изрекла:

— С Глебом.

– Что? С кем? С Глебом? С каким Глебом? С твоим женихом?

– Угу, – безапелляционно подтвердила москвичка. – С ним. Ой, только не делай круглые глаза, будто сейчас грохнешься в обморок.

Полина закашлялась, рефлекторно хлебнув чая. Вика барабанила ребром ладони по её спине и приговаривала снисходительным тоном:

– Так и думала, что ты отреагируешь подобным образом. Всё, продышалась? Теперь слушай внимательно. И не воспринимай слова в штыки.

Да, я в кои-то веки прошу выручить меня. Для этого надо всего-навсего полететь в тур с моим женихом. У нас с ним возникла сложная ситуация, дело дошло до скандала и чуть ли не до разрыва отношений. Но я принципиально не намерена уступать.

Как говорила раньше, он ни разу не олигарх и не миллиардер. Конечно, зарабатывает неплохо, но далеко не баснословные суммы. Он способный, умный, пробивной человек. Верю, что всё у него впереди.

Глеб уже который год обещает устроить сказочное путешествие с неограниченными тратами. Но всё время что-то

мешает: то пандемия началась, и границы закрыли. То квартиру купил не по той цене, которую запланировал. То срочно потребовались крупные вложения в какое-то дело, а отдача будет нескоро.

Я, хоть и девушка нетерпеливая, входила в положение и постоянно уступала.

Она замолчала и выразительно посмотрела на Полину.

– Ты только вслушайся в слова! – картинно расхохоталась Вика. – Какое противоестественное словосочетание: я! Я – Виктория Новикова и уступаю! Это взрывает все шаблоны. Понимаешь, о чём это свидетельствует? Нет? Ну как же: о том, насколько сильно я люблю Глеба.

Виктория Новикова 24 года. Двоюродная сестра Полины и падчерица дяди Саши.

Глава 5. Меценат

Вздыхнув, Вика прекратила гримасничать и задумалась. Глаза погрузтели. После минутной паузы сердито мотнула головой, прогоняя уныние, и продолжила:

– Так вот, я соглашалась по пятому кругу отдыхать снова то в Турции, то в Египте. Но сколько можно? Надоело. Хочу увидеть другие страны!

В этом году Глеб пообещал поездку в Дубай. Хорошо, пока слетаем в Эмираты. Убедил. Я настроилась, готовилась, мечтала. Два месяца шерстила отзывы о пляжах и отелях.

И что ты думаешь? Снова всё сорвалось. Этот сердобольный опять забронировал отель в той же Турции. Видите ли, ребёнку его друга срочно потребовались деньги на дорогостоящую операцию, иначе мальчик останется инвалидом. И этот идиот пожертвовал накопления, отложенные на поездку. Благородно, да?

Вика криво усмехнулась, встретив растерянный взгляд сестры. Пояснила:

– Не смотри на меня так. Я не Круэлла де Виль. Понимаю, что выгляжу в этой ситуации чуть ли не монстром.

Но у того друга полно родственников и знакомых. И сами родители могли постараться для сына – машину продать,

например. Кредит оформить. Да полно способов! И если бы каждый выделил небольшую сумму, проблема решилась бы без потрошения запасов Глеба. Но все хитроумно слились, а он даже слушать меня не хочет!

Рыцарь, да? Его аргумент: как он посмотрит в глаза товарищу, когда тот узнает, что вместо спасения чужого ребёнка Глеб поехал с невестой в дорогу страну.

А я не знаю как. Не мои проблемы. Пусть изворачивается. Остальные как-то смогли отбрезхаться. В конце концов, пусть расставит приоритеты. И придумает методы устранения из своего круга захребетников. Нечего их прикармливать. А если не способен отказать и поставить наши общие планы выше чужих, преподам урок.

Пойми, я просто вынуждена его наказать. Даже не из-за того, что он снова выбрал Турцию. По большому счёту, я поехала бы и туда. Но мне надо, чтобы в следующий раз Глеб согласовывал свои действия, когда они касаются моих интересов и комфорта. А то взял и просто поставил перед свершившимся фактом, будто я пустое место и важно только его мнение.

Будущих мужей надо воспитывать до свадьбы. Иначе так будет продолжаться вечно. Какая уж тут семейная жизнь в любви и согласии? Да?

Полина неуверенно кивнула. В чём-то сестра права. Вика мстительно сузила глаза и процедила:

– Отпуск у него строго по графику, не передвинуть. В отместку я сообщила, что у нас на работе тоже передвижки и ради сто первого отдыха в какой-то Турции не стану ссориться с начальством.

Он уже забронировал тур на двоих. Вылет завтра. Если откажется от поездки, то деньги не вернут. А раз уж он такой сердобольный и чтобы не пропали билеты, пусть устроит достойный отдых моей любимой сестрёнке.

– Нет-нет, Вика, я не полечу! – ахнула Полина. Призналась: – Я его боюсь. Он на меня с такой брезгливостью смотрел, когда приехал забрать тебя с похорон. Как на таракана. А с таким раскладом совсем возненавидит.

– А ты плюнь, – невозмутимо парировала Вика. – Или мечтаешь, чтобы он к тебе симпатией проникся? Всё равно не получится. Нос держи выше и не прогибайся. Будь собой.

К тому же, мне кажется, ты утрируешь. Вряд ли он смотрел на тебя так, как говоришь. Может, ты в тот момент просто раскашлялась или чихала, ведь болела тогда. Наверное, он не проконтролировал выражение своего лица. Поморщился или что-то типа этого, а ты уже надумала невесть что.

Главное, чтобы в путешествии Глеб вёл себя вежливо. А он будет корректным, гарантирую. К тому же, – заговорщически подмигнула девушка, – присмотришь за ним. Мало ли... Красивый мужик один на отдыхе. Наверняка найдутся охотницы. И мне спокойнее – при тебе не рискнёт загулять.

– Вик... – захныкала Полина. – Я правда боюсь. Как я понимаю, мы будем спать вдвоём в одном номере. Глеб – взрослый мужчина. Он... э-э-э... Как сказать-то? Не переберёт лишнего в ресторане? Не попутает, не вообразит ничего на мой счёт?

Виктория подавилась смешком и с таким пренебрежением глянула на сестру, что та устыдилась своих слов.

Весь вид москвички говорил: «Не смейся. Внимательно рассмотри себя в зеркале. Даже умалишённый не заинтересуется тобой после меня».

Закатив глаза, снисходительно протянула:

– Успокойся. Вот на кого угодно, но уж на тебя он, естественно, не прельстится.

Полина слегка покраснела и обиженно опустила голову. Кто бы сомневался, разве она сравнится с королевой Викторией? Но зачем так откровенно унижать?

– Ой, Полинка, ты чего? Расстроилась, что ли? Это я так... ляпнула. В том плане, что худенькие шатенки не в его вкусе. Он любит рослых, голубоглазых, беленьких. Я видела, с какой сногшибательной блондинкой он встречался до меня. Та два метра ростом, не меньше. И я тоже светловолосая, не маленькая, – затараторила старшая, поняв, что сболтнула не то и обидела сестру. – Ты у нас симпатичная. Я видела, как на тебя сегодня мужчины глазели. Оглядывались, аж шеи сворачивали.

– Это они на тебя оглядывались, – сердито буркнула Полина. – Мы же вместе шли. И не такая уж я маленькая! Нормальный у меня рост – сто шестьдесят пять сантиметров. Это ты до ста семидесяти восьми вымахала, верзила, – огрызнулась она, поквитавшись за оскорбление.

– Не-не-не! – с видом знатока возразила Вика, добродушно пропустив укус. – Поверь, я знаю, что говорю. Ты себя недооцениваешь.

Вон и Сандро нам с матерью о тебе все уши прожужжал: девочка умница-красавица. Ей нужно достойное окружение, контакты с нормальными людьми. А она, бедняжка, одна-одинёшенька живёт без присмотра и защитников. В глуши заперта, бедствует в плесневой квартире среди соседей-алкоголиков, – у неё получилось смешно передразнить мужскую интонацию.

– Какой ещё Сандро? – удивилась Полина.

Глава 6. Основная причина

– Какой ещё Сандро? – удивилась Полина.

– Мой отчим.

– Отчим? Дядю Сашу так называешь? Хм... А почему Сандро?

– А как его называть? Не папой же и уж точно не дядей Сашей. У нас с ним разница всего-то в одиннадцать годиков. Всегда так звала. У него корни грузинские. Не возражает, откликается. Не помню точно, но, кажется, он сам предложил так его величать. Ему нравится. Кстати, знаешь, что он моложе моей мамы аж на девять лет?

Полина равнодушно пожала плечами: никогда ничего не думала о Викином отчине. Вообще, зачем ей о нём думать? Человек и человек. Взрослый родственник без возраста.

Упоминания о нём всегда носили негативный оттенок, в основном благодаря ядовитому ярлыку бабушки. Даже внешность воспринималась как-то размыто. Спроси Полину, она не смогла бы вспомнить цвет его глаз, волос. Причёску, фигуру, даже рост.

С детства ощущала его безликим человеком старшего поколения. Неразговорчивым мужем яркой тёти Ани, предпочитающим держаться в тени.

– А Глебу сколько лет?

– Красавину тридцать.

– Красавину? Обалдеть, у него такая фамилия? – порази-
лась Полина.

Вика довольно кивнула.

– Надо же, как ему подходит! И тебе тоже. Прямо в точ-
ку: Красавина Виктория, – восхищённо произнесла Полина,
любясь эффектным звучанием.

Сестра неопределённо качнула головой, воровато огляды-
ваясь на дверь. И, став непривычно серьёзной, придвинула
стул ближе. Понижила голос:

– Слушай, Поль... Между нами... Если уж совсем откро-
венно: повод для наказания – это не всё. Не основная при-
чина. Я не случайно обратилась к тебе. Мы раньше всегда
друг друга выручали. Поэтому и сейчас прошу твоей помо-
щи. Никому больше не могу доверить такое.

Очень надо, чтобы вы с Глебом улетели вместе и именно в
это время. Когда заселитесь в отель, напиши мне или звякни.
Буду знать, что он точно там находится. Дело в том, что на
днях ко мне прикатит однокурсник из Франции. Мы с ним в
студенчестве любовь крутили. Сейчас он обосновался в Ев-
ропе, живёт с размахом. Всё ещё не женился, зовёт к себе. В
общем, есть о чём задуматься, учитывая, что Красавин такие
фортели выкидывает. Да и характер у него... э-э-э... не сахар.
Вот и хочу понять, который из них лучше. И сделать выбор,
с кем из них я останусь. Договорились?

– Обалдеть... Санта-Барбара, – выдохнула Полина. – Ну ты рисковая, Вика! Какой была в детстве отчаянной, такой и осталась. А ещё заливаешь, что любишь Глеба.

– Угу. Любовь любовью, но рыба, как известно, ищет, где глубже, а человек – где лучше, – хитро сверкнув глазами, промурлыкала сестра. – Сам виноват, своими выходками заставил усомниться в том, что ради меня готов пожертвовать друзьями. Ну что, сестрёнка, по рукам?

– Ну, раз такое дело, то, конечно, придётся покараулить твоего женишка, – хихикнула Полина. – Если посмотреть трезво, отбросив трусость, то предложение и правда заманчивое. Говоришь, тур уже оплачен. И в любом случае: полечу я туда или нет, деньги за второго человека не вернут. Сильно оплошаю, если не воспользуюсь уникальным шансом. Вряд ли в обозримом будущем смогу позволить себе такое удовольствие, как загрантур. Тем более получается два в одном: и тебя выручу, и себя порадую. Но как быть с документами, там же ты вписана?

– Умница, правильно мыслишь. А по поводу документов не парься – это ерунда. В турагентстве за полчаса переоформиат и впишут данные твоего паспорта.

Полина, осознав важность своей миссии, успокоилась. Оказывается, она летит не из милости, как убогая приживалка, а в какой-то степени приносит пользу.

Взгляд на поездку с такой позиции больше устроил и за-

метно подлечил ранимое самолюбие.

Можно сказать, перед ней стоит суперответственная задача, которую нельзя поручить кому попало. Она жертвует своим комфортом и временем, выручая сестру и помогая той проверить деликатную аферу.

Поэтому беспокойная совесть выпрямила спину и удовлетворённо притихла.

– Всё замечательно, просто супер. Единственный нюанс смущает: как подумаю, что нам с Глебом придётся сутками находиться в обществе друг друга и жить в одной комнате, так сразу плохо становится, – простонала девушка.

– Ничего страшного, как-нибудь справитесь. Вы же взрослые адекватные люди. И не в замкнутом пространстве будете находиться. Там куча других отдыхающих. Номер у вас с двумя отдельными кроватями. Места хватит. В поездах люди вообще в метре друг от друга спят – и ничего.

Полина, вздохнув, поджала губы в кислый изгиб. И тут же, вспомнив о плюсах поездки, мечтательно улыбнулась.

Сестра насмешливо изучала смену переживаний на выразительном лице. В глазах появились озорные искры.

Смягчив интонацию, доверительным тоном полюбопытствовала:

– Поль, а мальчик у тебя так и не появился?

– Не-а, – беззаботно подтвердила та.

– Шестое чувство нащёптывает, что ты у нас всё ещё нецелованная, – наклонившись к уху, ехидно обронила Вика.

– Целованная, целованная, – отодвигаясь, рыкнула Полина. И недовольно поёрзала: не нравился ей разговор.

Старшая хихикнула, не скрывая сомнений:

– Ой! И кто же этот счастливец, что слизнул пылцу невинности с губ нашей недотроги?

– Прекрати, Вичка! Я ничего тебе не скажу.

Та расхохоталась:

– Ох, Польша, в двадцать один год пора перестать краснеть, когда врёшь.

– Не вру! – огрызнулась она. – Несколько раз целовалась, когда однокурсник до дома провожал. Бр-р-р... Слюнявый, противно так! Не хочу вспоминать. Бе-е-е-е...

Она брезгливо протёрла губы, будто они всё ещё сохраняли чужую слюнь.

– Ой, умора! – до слёз веселилась Вика, вместе с ней хохотала Полина.

Вечером пожаловал блистательный Глеб.

Глава 7. Глеб

Вечером пожаловал блистательный Красавин.

Услышав звук открывающейся двери, Вика расцвела и изменилась на глазах. Забыв о госте, радостно выпорхнула навстречу жениху. Раздались восторженные возгласы, счастливый смех и звуки поцелуев. Прихожая наполнилась нежным рокотом мужчины.

Полина задумчиво улыбнулась: никаких сомнений, сестра действительно влюблена. Зачем она дразнит судьбу, устраивая проверку чувствам? Ещё и настолько рискованным способом.

Но в ни в чьих советах самоуверенная москвичка не нуждалась, чужое мнение её никогда не интересовало. И уж тем более неопытная кузина из провинции не могла быть для неё авторитетом, к словам которого стоило прислушиваться.

Поэтому Полина благоразумно притихла, спрятала ноги под табурет и, комкая салфетку, ждала появления Глеба.

Спустя минуту зарумянившаяся сестра вернулась на кухню, держа в обеих руках роскошный букет. Прикрыв глаза, медленно вдохнула аромат цветов и бережно опустила их в вазу.

Следом зашёл улыбающийся Глеб. Не замечая замершей гостьи, со сладостным стоном обнял Викторину.

Фигуры влюблённых, тихо покачиваясь в объятиях друг

друга, слились в красивый силуэт. Губы объединились во взаимном поцелуе.

Полина сжалась, потупилась, догадываясь, что мужчине будет неприятно обнаружить постороннего человека, подглядывающего за их интимными ласками. Уши запылали, словно она специально шпионила.

Боясь вздохнуть и выдать своё присутствие, бесшумно поднялась, чтобы по стеночке выскользнуть из помещения.

Бдительная Вика заметила стыдливое бегство и остановила её, не дав прошмыгнуть мимо. Хихикнула:

– Ой, посмотрите на нашу мышку: глазки опустила, покраснела. Какая стеснительная. Сбегаешь? Глеб, – решительно развернула его к Полине, – познакомься заново с моей сестричкой. Вам предстоит вместе провести две недели.

Мужчина слегка отпрянул от неожиданности, недовольно скривился. Даже заметно порозовел. Закатив глаза, отвернулся и вздохнул с бесконечным раздражением.

То ли обругал, то ли поздоровался:

– О-о-о... Попутчица привалила... Привет.

Нерадушная фраза прозвучала громко и грубо, как увесистая пощёчина. Таким тоном обычно желают: «Чтобы ты пропала! Припёрлась всё-таки».

С лица Полины стёрлась зародившаяся несмелая улыбка. Она судорожно втянула воздух, насупилась, заморгала. Сглотнув, быстро взглянула на Вику. Глаза обиженно заблестели.

Отвечать на недружелюбное недоприветствие не стала.

– Но-но! – помахав пальцем перед носом жениха, сердито пригрозила Вика. – Давай помягче, не смей обижать девочку. Я тебя серьёзно предупреждаю: не включай цепного пса.

Тот нервно сунул руки глубоко в карманы, ядовито взглянул на возлюбленную и показательно ощерил рот в белозубый оскал, который даже отдалённо не походил на приветливость.

Не разжимая зубы, громко прошипел:

– Хочешь, чтобы я так улыбался? Извини, дорогая, но уже предупреждал – изображать радость из-за того, что лечу не с тобой, не собираюсь. До последнего верил, что ты шутишь. Зря надеялся. Ты всё-таки подкладываешь свинью.

– Не веди себя как капризный ребёнок! Никто не ждёт от тебя ликования, но элементарную вежливость никто не отменял. Как не стыдно! Взрослый умный мужик, а походя обидел бедную девочку. Она каким образом виновата в наших с тобой разногласиях? – возмутилась вспыхнувшая Вика. – Полин, не слушай нас, не бери в голову. Посиди в другой комнате, нам с Глебом нужно поговорить.

Хамство Красавина подействовало на гостью совершенно неожиданным и парадоксальным образом. Вместо того чтобы испугать, оно взбесило и разозлило её, оскорбив гордость, и тем самым успокоило.

Дыбом поднялась неприязнь, воскресла уверенность в се-

бе. Щёки защищало от гнева и обиды. Смерив жениха сестры презрительным прищуром, Полина фыркнула и, выпрямив спину, неспешно покинула кухню.

Тот, опустив голову, проводил её долгим взглядом, криво усмехнулся.

«Невежа», – подрагивая от раздражения, Полина прислонилась к подоконнику. Смотрела в пустоту и, не замечая ничего, сердито чертила невидимые узоры на стекле.

«Неужели ты, индюк надутый, думаешь, что я жажду полмесяца находиться в твоей компании? Знал бы, как ты мне неприятен! Но не рассчитывай, что тебе удалось прогнать меня. Теперь из принципа не откажусь от поездки. Чтобы уяснил: твоё мнение ничего не значит и мне плевать на чью-то антипатию».

Глеб Красавин, 30 лет. Жених Виктории и попутчик Полины в путешествии.

Глава 8. Пикировка

Оставшуюся часть вечера Полина старалась держаться независимо и любым, даже самым малозначительным действием демонстрировала, что не замечает жениха сестры. Больше всего опасалась, что не сможет промолчать и вступит в перепалку, если заметит признаки очередного хамства в свой адрес.

Этого никак нельзя было допустить. Открытый конфликт не привёл бы ни к чему хорошему, мог сорвать поездку, следовательно – разрушить планы Вики.

Если раньше Полина побаивалась возлюбленного кузины, то теперь он бесил её каждой фразой, голосом, жестом, мимикой, а с особенной силой – своим безупречно-холёным видом.

Он же, наоборот, видимо, либо сам осознал, что погорячился с проявлением недовольства, либо, пристыженный Викой, согласился, что зря сорвался на ни в чём не повинной девушке.

Вёл себя пусть и не дружелюбно, но без первоначального снобизма, подчёркнуто вежливо, с умеренной официальнойностью.

Время от времени Полина, чувствуя на себе его изучающий взгляд, неуютно ёжилась. Чуть приподняв подбородок, поворачивала голову и с вызовом смотрела в глаза врага.

С негодованием заметила мелькающую в них иронию и то, как он напрягает мышцы лица, сгоняя потаённую ухмылку.

«Чего веселится? Считает меня смешной?» – тихо оскорбилась она.

В отместку сделала вид, что не слышит, когда Глеб обратился к ней, вынудив его несколько раз повторить просьбу:

– Полина! По-ли-на, пожалуйста, дай твой паспорт. Надо скинуть в турагентство данные, чтобы там успели исправить документы.

Она, мстительно поджав губы, открыла сумочку. Оттопырив пальчики, неспешно пожужжала молниями внутри. Задержалась, вынимая, и под снисходительный прищур Глеба поочерёдно рассматривая лежащие там пустяки.

Ничего-ничего, пусть ждёт: «Ага, шас, бегу и спотыкаюсь, чтобы выполнить команду».

Наконец, высокомерно протянула загранпаспорт.

Он, полистав книжицу, неверяще задержался на странице с фотографией. Губы шевельнулись, будто читал по слогам. Вскинул взгляд на Полину, потом вернулся на буквы, опять на неё и не сдержал смешка.

– Поперечная?! Полина Поперечная... Какая говорящая фамилия! Будто нарочно изобретена под твой характер. Видимо, в роду у вас много было таких... э-э... ершистых.

– Твоя тоже как специально под тебя подобрана, – спокойно парировала девушка.

Тот ухмыльнулся:

– Считаешь меня красивым?

– Смазливый, – ехидно прищурившись, поправила его.

Глеб шире оскалил зубы с намерением продолжить провокационный диалог. Но покосился на предупредительно округлившиеся глаза невесты и замолчал, досадливо цокнув.

В душе же никак не мог успокоиться. Беспокойно поёрзал. На лицо так и прорывалась хитрая гримаса. Он то и дело возвращался взглядом к будущей попутчице. Его явно подмывало язвить.

Та небрежно закинула ногу на ногу и с величавым видом следила только за экраном телевизора.

– Завтра вылет в середине дня. Заеду за тобой в десять утра. Пожалуйста, будь готова к выходу, – после нежного прощания с Викторией Глеб вежливо обратился к гордой гостье.

– Я сама доеду до аэропорта, – дёрнув плечом, категорично отказалась Полина.

Тот вздохнул слишком шумно и, слегка усмехнувшись, красноречиво переглянулся с Викторией.

Та многозначительно приподняла брови, безмолвно сигнализируя: «Да-да, а что ты хотел? Обидел девочку, теперь исправляй».

Красавин задумчиво потёр переносицу, исподлобья разглядывая строптивую попутчицу.

– Полина, раз уж мы вынуждены находиться вместе, оставим противостояние. Признаю, я виноват. Повёл себя некра-

сиво. Не сдержал эмоции, сорвался на тебе. Извини, – максимально доброжелательно пророкотал мужчина. – Подружиться с тобой не пытаюсь, но предлагаю перемирие. Будем действовать согласованно.

Чуть ли не по слогам более строго и весомо добавил:

– Повторяю: я заеду за тобой в десять часов.

Она насупилась, но предпочла промолчать, сцепившись с осуждающим взглядом Вики.

«Успокойся! Не затевай конфликт на ровном месте, сестрёнка», – говорило недовольное лицо москвички.

Закатив глаза, Полина надменно кивнула и, скрестив руки на груди, продолжила изучать монитор.

Глеб иронично посмотрел на обеих девушек, непонятно над чем коротко хохотнул и вышел из квартиры.

– Вика, – чуть ли не со слезами простонала Полина, сбросив напускное безразличие, когда захлопнулась дверь. – Как мы с ним будем жить в одном номере? Зачем я только согласилась!

– Успокойся, дорогая! – обняла её сестра. – Всё будет хорошо. Не суди по первому впечатлению, он нормальный человек. Просто крайне расстроен, что я не еду, и тоже находится в смешанных чувствах.

– Ага... А подсознательно считает меня виновницей и злость на меня переносит, – обиженно пропищала Полина. – Чувствую, я ещё не раз пожалею, что поддалась на твою

авантюру.

Предчувствия её не обманули.

Глава 9. Аэропорт

Похоже, по Викиному жениху можно было сверять часы. Он появился на пороге квартиры, как и обещал, ровно в десять.

Выглядел более чем сногшибательно. Словно белозубый эталон с рекламной картинки для путешествий: в светло-бежевом спортивном костюме, с мужественной щетиной на скулах и едва уловимым ароматом изысканного парфюма.

Сердце Полины испуганно сжалось: боже, как она пойдёт рядом с таким красавцем?!

Взгляд пометался по фигуре и невольно завис на модной обуви. Явно дорогой и удобной. Девушка изо всех сил пыталась вспомнить, как называются сии белоснежные изделия на языке стилистов, но так и не смогла.

Досадуя на своё неурочное волнение, подняла глаза на их brutального владельца.

Изогнув брови, тот с небольшим скепсисом созерцал настороженную Полину.

Она вздёрнула нос и своим дерзким взглядом встретила его погрузневшим.

Её заношенные джинсы, футболка и выдавшие виды кроссовки, судя по всему, ввергли блистательного плейбоя в небольшую печаль.

Обречённо вздохнув, Красавин подхватил её оригиналь-
ненький чемодан. Тут же, дёрнувшись, чуть не выронил его.

Удивлённо покрутил, с некоторым испугом рассматривая
со всех сторон. Неверяще взглянул на хозяйку странного
предмета, удостовераясь, что сей антиквариат действительно
принадлежит ей. И тотчас корректно, даже как-то стыд-
ливо отвёл глаза. Толкнул дверь:

– Вперёд. Такси ждёт.

Из дома Полина выплыла с воинственным полуприщур-
ром, в по-боевому приподнятом настроении, готовая к
немедленной словесной схватке. В уме активно подбирала
хлёсткие фразы для достойного отпора.

Однако ощутила лёгкое разочарование от вежливого спо-
койствия попутчика. Минут через десять поездки, не до-
ждавшись проявлений агрессии или заметного пренебреже-
ния к своей персоне, немного расслабилась.

Воткнула наушники, включила музыку и вперилась в ок-
но, с любопытством наблюдая за мчащимися машинами, пе-
риодически мелькающими вагонами наземного метро. Изу-
чала надписи, разглядывала рекламные щиты, здания, про-
хожих.

Глеб вальяжно восседал на месте рядом с водителем. То и
дело с кем-то переговаривался по телефону, читал, отправ-
лял сообщения и не обращал ни малейшего внимания на но-
ровистую спутницу.

В общем, к её облегчению, поводов для гнева не давал.

А уж в тот эпохальный миг, когда они перешагнули порог аэропорта, боевой дух вместе с уверенностью и неприязнью окончательно покинул Полину.

Похоже, в целях самосохранения трансформировался в более актуальные чувства: собранность и осознание – надо держаться ближе к Глебу.

Самым разумным в данный момент было копировать его действия, подчиняться приказам быстро и беспрекословно.

Огромное здание, наполненное эхом репродукторов, гуляющим где-то под высокими сводами, вперемешку с нескончаемым шумом и хаотичным движением людского потока, проглотило всё существо Полины, привыкшей к размеренной жизни на окраине сонного, покоянного временем города.

Она присмирела, семена за уверенно рассекающим пространство попутчиком. Озиралась и тихо радовалась: как хорошо, что Красавин настоял на своём и в Шереметьево они приехали вместе. Она бы точно заблудилась во всех этих терминалах, стойках, залах, входах-выходах и переходах.

Несколько раз, забывшись, машинально порывалась сунуть ладонь в его руку. Но, опомнившись, стыдливо отдёргивала кисть и сдерживалась от настолько откровенного признания своего поражения.

Казалось, тот не замечал её смятения и не смотрел на неё без необходимости. В основном общался с кем-то по телефону на служебные темы.

Параллельно следил за объявлениями, при появлении нужной информации коротко отдавал распоряжения и воспринимал покорность попутчицы как должное.

Полавировав часа полтора в стандартной предпосадочной суете, завершив этапы проверок и паспортного контроля, они, наконец, оказались в относительно спокойной зоне выхода на посадку.

– Хочешь в дьюти-фри погулять? А потом в баре засядем до вылета? – зевнув и от души потягиваясь, полюбопытствовал Красавин.

– А может, место займём и там подождём? – тревожно отозвалась Полина, нервно крутя головой в поиске свободного кресла.

Глеб удивлённо рассмотрел красную, растрёпанную, с капельками пота на носу спутницу. И только сейчас обратил внимание на её дёрганное состояние.

Недоумённо хмыкнул:

– Можно и в зале посидеть. Но это скучно. Я думал, ты хочешь пошастать по магазину. купишь что-нибудь. Потом перекусим в кафе.

– Не-е-е. Не хочу, – испугалась она, косясь на ценники.
– Ты иди поешь, если проголодался. Я во-о-он там, на виду

сяду. Не потеряемся.

Он задумчиво уставился на неё своими диковинными глазами.

Полина ещё вчера заметила, что они у него необычные: контрастно светлые при тёмной шевелюре. Не голубые, а ровного стального цвета, красиво обрамлённые по-девчачьи длинными, серповидными ресницами.

А ещё с досадой обнаружила, что почему-то не могла смотреть в них долго. Терялась, как школьница под рентгеновским взглядом проницательного учителя. И у неё возникло нехорошее подозрение: Красавин понял это и, сдерживая усмешку, бессовестно пользовался данным открытием, дабы вводить её всё в большее смятение.

Она хмуро отвернулась, сделав вид, что внимательно читает табло, всё ещё чувствуя на себе взгляд его бледно-серых, будто люминесцирующих глаз.

Глава 10. Трусиха

«У них с Викой будут красивые дети. Оба родителя высокие, породистые, видные», – вздохнула она, исподтишка рассматривая Глеба.

Тот, вытянув шею, сосредоточился на разглядывании чего-то интересного за её спиной.

«Правильные черты, греческий профиль. Широченные плечи, спортивная фигура. Пока стоим, ни одна деваха не прошла мимо равнодушно, каждая не по разу оглянулась. Недаром Вика меня в качестве охранника к нему приставила, – завистливый взгляд Полины скользнул по рукам. – И пальцы длинные, гибкие. Музыкальные? Таким особям только размножаться и размножаться, улучшать генофонд».

Будто подслушав мысли, мужчина резко повернулся к ней.

Растерянно моргнув, Полина суетливо наклонилась, пряча пунцовые щёки: «Уф... Гадство. Застукал, как я, разинув рот, пялюсь на него!»

В глубине зрачков Красавина заскакали озорные искорки.
– Пойдём в дыюти-фри. Парфюм выбери себе хороший. Я оплачу, – подхватив под руку, дружелюбно предложил он.
– Тебе не нравится, как пахнет моя туалетная вода? – сму-

тилась девушка.

«Или намекает, что от меня воняет потом после всей нерво-трёпки? – замер на кончике языка невысказанный вопрос. – Неужели дезодорант не действует?» Повернула голову и, слегка опустив к плечу, пытаюсь незаметно понюхать себя.

– Ты пользовалась духами? – удивился Глеб.

Наклонился, крылья его изящного носа шевельнулись, как-то по-особенному щекотно втягивая и выдыхая воздух возле её шеи. Волоски на коже поднялись от ощущения чужого дыхания. Полина невольно съёжилась и, хихикнув, ша-рахнулась в сторону.

С подозрением уставилась на Красавина: специально так делал?

Тот невозмутимо помотал головой:

– Я ничего не чувствую. Ничем не пахнет. Да и дело не в том, нравятся они лично мне или нет. Представляешь, – он похлопал ресницами, лукаво заглядывая в её лицо, – меня совесть замучила. Прямо-таки с вечера загрызает зверина, спать не давала. Требуется искупить вину. Но не придумаю как. Давай я небольшой подарок тебе сделаю. Прими его как извинение за вчерашнюю грубость.

– Подарок? Не-не-не, – встрепенулась Полина, вспомнив цифры под товаром. Выдавила улыбку: – Я не обиделась, давно уже всё забыла.

И несколько не соврала: антипатия и правда непонятно

куда испарилась. Ещё там, на первом этаже аэропорта. Отфильтровалась, как мешающий элемент, где-то среди сканеров, рамок и работников службы досмотра.

Что уж... Если честно, она понимала и даже чуть-чуть оправдывала первоначальную реакцию Глеба. Конечно, он был ошарашен и не смог сдержать эмоций, когда сестра, будто чёрта из табакерки, предъявила ему какую-то непонятную родственницу вместо себя.

К тому же с Полиной они виделись только один раз, да и то мельком на похоронах, так что этот случай можно не учитывать как знакомство.

Какой нормальный человек обрадуется новости отправиться в долгожданный отпуск с посторонней особой, когда собирался провести его с любимой девушкой?

Красавин, наверное, уже предвкушал и всюду рисовал приятные картины, а в последний миг ему вдруг подсунули невесть кого.

Станным было, если бы он спокойно отнёсся к такой подставе. Неизвестно, как отреагировала бы сама Полина, окажись в похожей ситуации.

А уж о Виктории и говорить не стоит. Та точно бы в ключья порвала за подобное.

– Пойдём! Что же ты такая несговорчивая? Трудно с тобой, Поперечная, – тот настырно потянул её к сверкающим витринам. – Надо волшебным напитком со звёздочками за-

пасть, чтобы полёт прошёл веселее и в самолёте не дрейфить. Ты как, высоты не боишься?

Полина, расширив глаза, уставилась в смеющееся лицо Красавина и похолодела: в злости и предполётной суматохе совсем упустила из вида, что ей предстоит подняться в небо.

После напоминания мандраж накрыл, одномоментно вытеснив остальные мысли.

Она крутанулась на пятках, поворачиваясь к огромным окнам, сообразив, что ускоряющийся гул, от которого слегка вибрировал пол, и рокот, похожий на раскаты далёкого грома, – это и есть шум двигателей взлетающих самолётов.

Перевела испуганный взгляд на Глеба, судорожно сглотив, хрипло выдавила пересохшим ртом:

– Я первый раз полечу.

Он, перестав смеяться, удивлённо шевельнул бровями. За одно мгновение оценил полуобморочное состояние струхнувшей попутчицы. Огорчённо вздохнул, в лице отразилось сочувствие.

Став серьёзным, обнял её за плечи и успокаивающе прошептал:

– Тс-sss... Трусиха. Что так побледнела? Не бойся. Когда-то гадалка предсказала, что я доживу до седой старости. Ты видишь у меня седые волосы?

Он наклонился, предлагая рассмотреть свою идеальную шевелюру. Полина помотала головой.

– Нет? Понимаешь, что это значит? – уточнил Глеб. – Ну

как же: ещё не срок. И, следовательно, лайнер, в котором я нахожусь, и все, кто летят со мной, не могут попасть в беду, — он по-доброму улыбнулся, подталкивая её к дьюти-фри. — Всё будет хорошо. А духи я тебе всё-таки выберу. И лекарство от страха купим. И выпьем.

Она, приподняв подбородок, с надеждой заглянула в его уверенное лицо и залипла, рассматривая глаза, которые светились в солнечных лучах, проникающих сквозь радужку.

Внутри груди разлилось тепло. Вдруг поверилось: Глеб надёжный, смелый, сильный. Не обманет. Можно расслабиться, когда он рядом.

Глава 11. Полетели

Полина испытала прямо-таки настоящее разочарование оттого, что внутрь самолёта они попали через специальный рукав.

Ее первое проникновение на борт воздушного лайнера рисовалось ей более зрелищным. Она с наивностью ребёнка ждала волнительный момент, когда наконец сможет покрутиться на взлётном поле, рассмотрит вблизи всамделишный самолёт и огромные крылья, которые поднимут их над облаками.

Мечтала сделать на фоне аэробуса эффектную фотографию, написать фееричный текст и отправить подругам, которые до сих пор не догадываются о неожиданном вояже.

Полистала интернет, ища информацию, пропустят ли ее с селфи-палкой. На всякий случай всё время держала ее наготове, чтобы оставить в мусорной корзине, если возникнут проблемы на контроле. Но перед этим не прозевать момент и запечатлеть себя во всей красе.

Специально для этого случая отрепетировала особенный прищур вкупе с полуулыбкой: небрежной и насмешливой, демонстрирующей ее аристократическое презрение к поджидающим в путешествии опасностям.

И при таком развитии событий, дабы не упустить ценный

кадр, хотела попросить Глеба, и он щёлкнул бы ее во весь рост на фоне самолёта.

Представляла, как потом вежливо поблагодарит его и неторопливо поднимется с гордо выпрямленной спиной по ступенькам трапа, который много раз видела в фильмах.

А на деле оказалось, что они торопливо шли, шли и шли по какому-то длинному гофрированному коридору без окон. В затылок дышали такие же спешащие люди, впереди мелькали чужие спины.

После поворота перед самым носом внезапно появился небольшой овальный вход.

Стройная улыбчивая девушка в форме с повязанным на шее ярким платком приветствовала пассажиров и мило подсказывала, где находятся их места.

Чтобы попасть в авиалайнер, пришлось всего-навсего буднично перешагнуть небольшой порог, и через пару шагов они оказались внутри.

Ну никакой тебе величественности!

Все суетились, рассаживались, толкали в багажные отсеки ручную кладь, пристёгивали ремни. Несколько недовольных попутчиков спорили о том, кто из них должен сидеть у окна, а кто у прохода.

Полина разочарованно вздохнула.

Наконец самолёт, тревожно гудя всем корпусом, разо-

гнался до огромной скорости и, мелко вибрируя, оторвался от земли. Сердце холодным комом ухнуло вниз, а в животе закрутился спазм из дикого страха и восторга.

Обида от несбывшихся ожиданий напрочь сгинула.

Полина следила за виражами так вдумчиво и неотрывно, словно манёвры проходили под её контролем и она могла на что-то повлиять.

Обратила внимание, что звук в салоне изменился на монотонный гул, тряска уменьшилась. За окном мелькнула лента реки, поля, дорога с крошечными автомобилями.

Горизонт плавно покачивался то в одну, то в другую сторону. При каждом наклоне к горлу противно подкатывала тошнота.

Спустя несколько минут где-то в районе висков усиливалась тяжесть.

Стало страшно: отчего-то шумы становились всё более приглушёнными, доносились как сквозь толщу ваты, потом исчезли вовсе. Пропал даже ровный рокот двигателей.

Что-то пошло не так?

Она оторвалась от спинки, испуганно покосилась на соседей. Люди сидели молча. Многие, как и Полина, напряжённо следили за полётом.

Волной подступила паника: почему вокруг такая ненормальная тишина, самолёт перестал работать? Сломался? Она с усилием сглотнула.

Неожиданно в ушах что-то щёлкнуло, будто лопнула

плёнка, и звуки волшебным образом вернулись. Дискомфорт в голове пропал.

Выдохнула с бесконечным облегчением: значит, всё нормально, просто от перепада давления у неё пропадал слух.

Слилась со спинкой сидения, боясь оторвать взгляд от окна. Мельком поглядывала на пассажиров, бдительно отслеживая выражение лиц, вдруг они раньше заметят опасность?

Похоже, трусила не только она. Только единицы опустили веки и выглядели расслабленными.

Позавидовала их железной выдержке. А может, они дремали?

Засомневалась: «Нет, невозможно так резко заснуть. Боятся! Точно. А закрыли глаза, чтобы не выдать страх и ничего не видеть».

Минуты через три салон снова завибрировал. И завибрировал довольно сильно!

Полина прикусила дрогнувшую губу и вцепилась в подлокотники так, что побелели пальцы.

Сердце заколотилось вместе с мыслями: «Ой-ё-ёй, что происходит?»

Теряя остатки хладнокровия, повернулась к Глебу.

Тот выглядел абсолютно спокойным и лениво наблюдал за ней. Усмехнувшись, приблизился к уху:

– Всё в порядке. Так и должно быть. Сейчас мы поднялись на высоту, где находятся облака. При прохождении этого слоя всегда потрясывает, как на автомобильной дороге.

Через несколько секунд прекратится.

Откуда-то выудил бумажный пакет, который перед взлётом предложила стюардесса:

– Дыши в него. Паника отступит.

«Что за глупость? – возмутилась она про себя. – Как может помочь какая-то бумажка? Думает, что поведусь на шаманский обряд, рассчитанный на детей».

– Бери, говорю! – прикрикнул Глеб. – Прижми ко рту, дыши глубже. Вдох-выдох в пакет. Ну! Поперечная...

Сердито сверкнув глазами, Полина выхватила коричневый прямоугольник. Вот привязался со своим дурацким требованием! Не даёт сосредоточиться.

Психуя, сделала, как он велел. Голова вдруг закружилась и словно захмелела. Страх на самом деле отступил.

С удивлением покосилась на Красавина. Невероятно! Странный способ сработал.

Мужчина самодовольно наблюдал за ней. Снова приблизил губы вплотную к уху и пояснил:

– Американский метод борьбы с паническими атаками. Наступает лёгкая гипоксия, она быстро успокаивает. Мозг пугается нехватки кислорода, и ему не до других страхов. Пока можешь убрать пакет. Немного отдохни, потом сделай ещё десять вдохов, и достаточно. Не стоит увлекаться. Углекислый газ вреден, но в экстренных случаях помогает.

Посидел, озабоченно поглядывая на её кислые гримасы.

Догадался:

– Уши закладывает?

– Угу..., – жалобно пискнула девушка.

– Рот открой, не стесняйся. Прямо во всю ширь разинь, выверни скулы и сглотни. Давление выровняется, и всё пройдёт. Держи жвачку, – протянул начатую упаковку. – Тоже помогает.

Его авторитетный, с небольшой и необидной вальяжностью тон, спокойные комментарии, объясняющие, что происходящее является нормой и подобные ощущения испытывают все пассажиры, успокаивали.

Глава 12. Турбулентность

Дождавшись объявления о наборе высоты и переходе в горизонтальный полёт, Глеб с хитрым видом выудил из-под кресла рюкзак.

Пошарил в нём, достал и распечатал пакет из дьюти-фри. Заговорщически подмигнув, движением фокусника открыл крышку у бутылки с коричневым содержимым и, обхватив губами горлышко, прилично отхлебнул.

Удовлетворённо крякнул:

– Эх, хорошо! Теперь ты, – обтёр края влажной салфеткой, поднёс флакон ко рту Полины.

– Не-е-ет! Я не буду! – она вытаращила глаза, отодвигаясь к краю сидения.

– Будешь, – безапелляционно заявил Красавин, придвигаясь ближе. – Или есть противопоказания?

– Противопоказаний нет, но я не люблю эту дрянь.

Сдвинув брови, Глеб взял её ладонь в свою, несильно сдавил и сердито прошипел:

– Немного нужно выпить, поможет расслабиться. Давай, не тани. Быстренько глотай. Не привлекай внимание соседей.

Только чтобы он не нависал над ней, не гипнотизировал своими странными глазами и не трогал ледяные от волнения руки, скривилась и, вжавшись поглубже в спинку крес-

ла, сделала два глотка. Сморщилась:

– Бе-еее! Гадость!

Глеб, одарив сдержанной улыбкой, одобрительно кивнул. Погремел контейнером с орехово-фруктовым миксом, положил его на колени:

– Теперь это. Хватит морщиться и отдуваться, пора закусывать. Не смотри на меня так, будто я твой палач. Я твой доктор. Жуи, Поперечная.

Через час ёмкость со звёздами опустела, орешки тоже закончились. Настроение у обоих заметно улучшилось. Предусмотрительный Красавин вытащил планшет, промурлыкал с дурашливым видом:

– Что мадам предпочитает смотреть: триллер, комедию, мелодраму, эротику? Или вообще порнушку врубим? Я голосую за порнушку.

– Комедию, – проворчала Полина.

Ишь, что выдумал: порнушку! Бесстыдник.

Тем не менее на каждую шутку попутчика внутри неё отзывался озорной чертёнок, которому, как и тому, что жил в Красавине, тоже хотелось куролесить. Похоже, бесовские сущности были родственниками.

Тихо удивилась про себя: и почему жених сестры так раздражал её поначалу? Компанейским же оказался парнем! С ним можно замечательно ладить, и предстоящий совместный отдых перестал пугать и казаться испорченным из-за со-

седства с ним.

Они, как взаправдашные друзья или побратимы, уселись, сдвинув головы, и полностью погрузились в недавно вышедший фильм. Синхронно переглядывались, толкали друг друга локтями, коленями, хихикали. Снимая наушники, взахлёб комментировали острые сцены.

В какой-то момент самолёт основательно тряхнуло, и он опустился так резко, что на долю секунды их пятые точки оторвались от кресел и почувствовалась невесомость.

Потом ещё и ещё.

Красным сигналом замигало табло, приятный женский голос мелодично предупредил:

– Уважаемые пассажиры, наш лайнер вошёл в зону турбулентности. Просьба пристегнуть ремни и оставаться на местах.

Полина жалобно пискнула и одним движением сбросила наушники. Душа улетела в пятки. Внутри всё похолодело, перевернулось, оборвалось и смешалось в ледяную кучу. Остро захотелось в туалет.

Трясущимися руками нашарила ремни безопасности, тихо клацая зубами и путаясь в пряжках, начала неумело пристёгиваться.

– Тс-sss, – зашипел Глеб, отключая планшет. Неторопливо спрятал его в чехол и насмешливо созерцал её панические конвульсии. – Да что же ты такая трусиха?

Выдернул из её оцепеневших пальцев ремень, спокойно расправил и, потянув вверх, застегнул. Потом занялся своим.

– Мы падаем? – со стеклянными глазами прохрипела она, мёртвой хваткой вцепившись в его руку.

– Нет, – абсолютно бесстрастно произнёс мужчина.

Неторопливо повернулся к окну, посмотрел вниз. Голосом, в котором слышались интонации с весёлыми нотками, будто Красавина заинтересовал вид, который открылся перед его взором, сообщил:

– Ого! Уже над горами пролетаем. Смотри, вон хребты хорошо видны, даже снег блестит. Хочешь посмотреть? Нет? – он удивлённо оглянулся на Полину, сморщился. – Ой, да ладно тебе, не бойся – рядовая тряска. Меньше чем через час приземлимся в Анталии.

Начал что-то нудно бубнить про атмосферные явления, восходящие и нисходящие потоки воздуха, от которых возникает турбулентность, но девушка его не слушала.

Намертво впечатала ноги в пол, впилась пальцами в подлокотники и каждой клеточкой ощущала под собой огромную пустоту в десять тысяч метров. Перед глазами явственно представился болтающийся в гигантской небесной зыбкости хрупкий кораблик с несколькими сотнями мягких человеческих тел.

– Полина! По-ли-на! Эй, Поперечная, посмотри на меня,
– Глеб пощёлкал пальцами перед её носом. – Прекрати паниковать. Всё в порядке.

Бесцеремонно взял за подбородок, развернул лицом к себе. Несколько секунд смотрел в её перекошенную физиономию гипнотизирующим взглядом. Становясь всё более весёлым, ухмыльнулся:

– Чёрт, до чего ты красивая! Особенно когда бледно-зелёная, как смородина, с круглыми глазами и этой кислой гримасой.

– Что? – изумлённо включился её мозг, соображая, почему именно смородина? Она же чёрная. Хотя, конечно, есть и другие сорта. Или он имел в виду неспелую?

– Красивая ты, говорю.

– Я? – отвлеклась от предыдущей дилеммы.

– Угу. Ты, – кивнул Красавин.

Расплылся в ехидной гримасе, довольно гоготнул:

– Кстати, знаешь, что у нас в номере одна кровать? В обнимку спать придётся, – он насмешливо поиграл бровями.

– В смысле — одна кровать?! – подпрыгнув, ужаснулась девушка. – Вика сказала, что две.

Тот снова неприлично заржал:

– Она не знала. Хотел сделать ей сюрприз. Заказал тур для молодожёнов со всеми атрибутами: кровать огромная, полукруглая. Представляешь? Королевская. Свечи, лепестки цветов. Фрукты, вино... Встретят и проводят в номер со

всеми почестями.

С убитым видом заявил:

– Придётся нам с тобой изображать новобрачных.

Кротко и грустно вздохнул, мол: «А что поделать, кому сейчас легко? Уже ничего не изменить».

Глава 13. Мечта поэта

– Ты... ты... – задохнулась Полина, – Ты ненормальный?! Я не собираюсь спать с тобой в одной постели. Я... я вообще никуда не поеду!

Оглянулась по сторонам. Схватила за ремень, нервно рванула металлическую пряжку, та, грозно звякнув, слетела с сидения. Полина стремительно встала, готовая немедленно покинуть место. Ноздри гневно трепетали, в глазах сверкали молнии.

Глеб, флегматично скрестив руки на груди, с вдумчивым видом отслеживал её метания.

– Парашют ищешь? Прямо сейчас выйдешь? Про чемоданчик свой не забудь. Алё, водила, дверь открой, останови транспорт! Девушка желает покинуть салон. Или до аэродрома дотянешь с нами, а там на такси обратно? – поинтересовался невозмутимо.

Полина печально вздохнула. Повесив голову, вернулась на кресло и пристыженно впечаталась в сиденье.

Ну да... Куда уж тут денешься. Глупо и смешно, наверное, выглядела с импульсивной попыткой сбежать. Гадство! Вот всегда у неё так – эмоции опережают мысли. Сначала сделала, а потом подумала.

Не удивительно, что Красавин теперь внутренне ржёт.
Но как быть?

Придав голосу доброжелательности и растянув рот в заискивающую улыбку, предложила:

– Может, договоримся со служащими отеля? Попросим заселить нас в номер с отдельными кроватями.

– Не-а... Нельзя, – настолько огорчённо сморщился Глеб, будто собрался вот-вот расплакаться. Отвернувшись, выдал каким-то ненормально писклявым голосом: – Поздно. В сезон всё давно занято.

Вот ведь засада! И лицо у него такое кислое, неужели на самом деле сильно расстроился? Надо же... Совсем не циник, оказывается, хотя и были подозрения на этот счёт.

Она растерянно пожевала губы, ища оптимальные варианты. Нервно побарабанила пальцами по подлокотнику.

Осенило:

– Может быть, в комнате есть диван? Если его нет, то стулья сдвинем, я на них посплю... Или на полу.

Красавин недоверчиво покосился на неё. Почесал затылок, идея ему явно понравилась:

– На полу?

– Ага, – обрадовалась она, обнадёженная его глубокомысленным видом.

– Ну... Можно и так... Сопрём где-нибудь в коридоре ковёр, кидаем тряпок...

– У-у... – расстроено проскулила девушка. – Нет, не надо ковёр трогать. Ещё арестуют за воровство, – просияла: – Я придумала: купим надувной матрас!

Глеб вдруг странно хрюкнул и захохотал до всхлипов. Полина несколько секунд обескураженно наблюдала за ним.

– Ты всё наврал! – догадалась она. – Ну и гад! Прямо бы стукнула тебя. Нет никакого номера для молодожёнов. Это розыгрыш. И свеч не будет, и лепестков тоже. Скажи, у нас ведь отдельные кровати?

– Раздельные, раздельные, – веселился тот, смахивая слёзы. – И диван будет. И стулья. Но, согласись, сработало: ты забыла о турбулентности. Однако знаешь, до чего обидно, что так всполошилась, – правдиво округлил глаза этот юморист. – У меня даже самооценка понизилась. Никто ещё до такой степени не пугался от перспективы оказаться со мной в одной постели. Видимо, совсем плохи мои дела – перестал девушек интересовать. Старею. Да, Поль?

– Тьфу на тебя, Глеб! Это же почти инцест, спать с женихом сестры. Меня сейчас вытошнит.

После испуга и пришедшего осознания, что умудрилась примитивно попасть на незамысловатую уловку, её охватило состояние лёгкости и эйфории. Она охотно подхватила игру, ребячилась и хихикала, представляя, как смешно выглядела со стороны при попытке сбежать.

– Кстати, если что, то про красоту я не шутил, – серьёзным тоном предупредил мужчина.

Полина скорчила ехидную гримасу и кивнула, всем видом показывая: «Давай, давай, заливай. Больше я на твои прико-

лы не поведусь».

Отмахнулась, маскируя смущение под беспечность:

– Это Вика красивая, заметная. Она как... как звезда.

– Вот не веришь, – проворчал Глеб. – Я честно говорю. Да, согласен: Вика красивая. Но у неё другая красота. Сексуальная, что ли... Агрессивная, как у амазонки. Виктория – фейерверк: яркая, обжигающая, праздничная. Контакт с ней – схватка, выброс энергии и опустошение. Мы всегда будто соревнуемся и меряемся силами: кто кого? Вы абсолютно разные и ощущения вызываете противоположные. Во-первых, ты трогательная и ранимая. Всегда настороже, отсюда и растут твои коготки. С тобой хочется не бодаться, а защищать, нежить. Во-вторых, на мой взгляд, твоё предназначение — быть источником вдохновения для поэта. И если уж сравниваешь Вику со звездой, то тебя можно сравнить с солнышком. Возле тебя согреваешься, отдыхаешь, ты излучаешь тепло. Завидую тому, кто станет твоим мужем, — подмигнул Красавин.

У Полины неуютно сжалось сердце, она судорожно сглотнула и покраснела. Наклонилась поправить шнурки на обуви, чтобы Глеб не заметил, что вогнал её в краску.

К чему бы он так распелся? Это так в симпатии признался, что ли? Романтик, однако.

Или очередной психологический приём? Вроде бы она давно успокоилась, лечить её панику уже не надо.

Чтобы скрыть смятение, грубовато прервала:

– Хватит, Глеб! Турбулентность закончилась, можешь не стараться.

Тот резко свернул рассуждения. Укоризненно качнув головой, хмыкнул с явной обидой, как бы говоря: «Не больно-то и нужно. Могу помолчать».

Поёрзал, устраиваясь удобнее, и, отвернув лицо, опустил веки.

– Через двадцать минут наш самолёт совершит посадку в аэропорту Анталия. Температура воздуха тридцать пять градусов, воды двадцать четыре...

Полина, привстав, ошеломлённо прильнула к иллюминатору: это что, они уже прилетели?

Покосилась на дремлющего Глеба.

Нет, оказывается, тот уже бодрствовал. Однако принципиально глядя мимо неё, довольно шурился, рассматривая виднеющиеся внизу ярко-зелёные прямоугольники полей, огромные теплицы, здания.

Всё-таки не выдержал, мазнул взглядом по её эмоциональной физиономии, снисходительно ухмыльнулся.

Будто кот под солнышком, мурлыкнул:

– Не смотри на меня так. Я не шутил несколько, искренне тебе говорил. Ты красивая, но уж больно.... поперечная ты, Поперечная.

В глазах плясали чёртики.

«Опять отвлекает, сейчас тряска начнётся», – поняла она.

Глава 14. Дворец

Новоиспечённая путешественница не успела сделать и шаг за борт самолёта, а всего лишь приблизилась к его открытой двери, как с первым же вдохом пришло понимание: здесь всё другое

Она находится на пороге другого мира.

Новизна шальной волной проплыла с головы до пят. Полина с жадностью первооткрывателя прислушалась к интересным ощущениям. Каждой клеточкой чувствовалась неродная среда.

Воздух был иным! Тёплым, густым, тяжеловатым от концентрации в нём влаги и непривычных запахов. Он не проникал, смешиваясь с тем, что был внутри лайнера, а просачивался. В него можно было нырнуть и почувствовать, как неплотная, объёмная субстанция расступается, охотно принимая в себя твоё тело.

Полина, не сдерживая щенячий восторг, с искрящимися от счастья глазами оглянулась на идущего следом Красавина.

Их взгляды встретились. Глеб мгновенно проникся её состоянием и отреагировал, сменив постное выражение лица на добрую улыбку.

«Что это он загрустил в такой чудесный миг? А-а-а... Наверное, вспомнил, как прилетал сюда с Викой», – мелькнула и тут же бесследно умчалась сочувственная мысль.

Полине было не до чужой печали.

Как-никак в данную минуту осуществилась ещё одна крошечная мечта: из самолёта на лётное поле они спустились по трапу. Металлический звук, чуть подрагивающих под шагами ступенек, музыкой отдался в ногах, включая жгучее желание пританцовывать.

Но сфотографироваться всё же не удалось. Все торопились, всех поторапливали, и туристы с ходу заскочили в специальный автобус, который через минуту тронулся и бесконечно долго ехал по огромному аэродрому.

Когда доставил до нужной точки, двери, зашипев, открылись. Пассажиры взбудораженным потоком высыпали из салона и поплыли куда-то вверх по эскалатору. Заструились сквозь стеклянный вход, растеклись по залу, выстраиваясь в очередь к кабинам паспортного контроля.

Заполучив отметки о прибытии, люди всё так же быстро и уверенно топали за впередиидущими.

Живая цепочка увела в следующий зал – получения багажа.

Здесь человеческий ручеёк тормозил, и прибывшие с некоторым испугом толпились вокруг транспортёрной ленты. Сосредоточенно рассматривали катающиеся по конвейеру чемоданы, пытаясь опознать свой.

А это было не так-то просто, учитывая, что большинство упаковали багаж в белую плёнку и масса одинаковых кубиков, параллелепипедов и клякс кружилась, наводя на хозяев

страх потерять или перепутать свои вещи.

К счастью, предусмотрительный Глеб и здесь не подкачал. Ещё в московском аэропорту маркером нарисовал на их с Полиной чемоданах яркие зигзаги, по которым они угадали и быстро выловили свой багаж.

И вообще, Красавин с момента приземления превратился в другого человека, совсем не того, кто весь полёт общался с ней и балагурил, как мальчишка. Сейчас это был сухой, неразговорчивый руководитель. Он сконцентрировался и полностью погрузился в выполнение главной задачи – благополучно доставить их обоих до цели.

От этого официального образа между лопаток его спутницы проходил такой же неприятный холодок, как в вечер знакомства у Вики.

Когда вышли из шумного здания, солнце уже склонилось к горизонту. Небосвод над головой сгустился в бархатную синеву, наливаясь на западе жёлто-малиновым цветом, но настоящие сумерки ещё не наступили.

Полина едва успевала крутить шеей, спеша за вышагивающим с озабоченным видом Красавиным.

Тащила за длинную ручку свой подпрыгивающий на тротуарных стыках чемодан, на ходу жадно рассматривала надписи на незнакомом языке, отмечала непривычные номера на автомобилях, глазела на местных загорелых жителей. Принюхивалась, слушала чужую речь.

Радостно улавливала признаки близости моря. С неуём-

ным любопытством вглядывалась в усыпанные розовыми цветами незнакомые кустарники.

И пальмы! Целую аллею пальм прямо возле выхода.

Безумно хотелось приблизиться и незаметно потрогать корявые стволы. Уже было протянула ладонь, но Глеб хмуро поторопил:

– Не задерживай. Позже успеешь рассмотреть и пощупать. Сейчас спешим, надо отметиться у стоек туроператора, они дадут номер автобуса. Нам ещё больше часа ехать до своего отеля.

– Похоже, скоро гроза начнётся, – тревожно отозвалась Полина. – Воздух густой и влажный.

– Он всегда такой из-за моря. А дожди здесь случаются редко, и они короткие. Надеюсь, за время нашего отдыха их не будет, – безэмоционально возразил спутник, отбирая у неё неуклюжий чемодан, дабы она двигалась расторопней.

На улице царила непроглядная тьма, когда они подъехали к отелю.

Огромное здание не настолько восхитило, насколько ошеломило, испугало. Просто раздавило необъятным размером и помпезностью.

Оно сверкало и освещало окрестности, переливаясь в ночи, как диснеевский замок.

Сияли колонны, окна, стеклянные двери, их ручки, огромные люстры, часы на ресепшен. И даже пол.

Высокие стены внутри помещения или, скорее, дворца, по восприятию Полины, украшали картины, растения. Уютно журчала вода в симпатичном фонтанчике. Яркие вычурные диваны, инкрустированные под золото, выглядели как троны для королевских особ.

В глубине территории синел подсвеченный огнями бассейн. Угадывались силуэты пальм, играла весёлая музыка, взрывами раздавался смех и активные призывы аниматоров.

Полина сгорбилась и потрясённо притихла, уткнувшись взглядом в свою обувь и потёртые джинсы. По спине пробежала дрожь: в какой сногшибательной сказке она очутилась по ошибке?

Здесь могут отдыхать только дамы и господа голубых кровей. И, несомненно, в самых роскошных нарядах. Должно быть, они аристократично скользят по зеркальному полу туфельками на каблуках и начищенными ботинками.

А она, как дикарка, завалилась из провинциальной глуши чуть ли не в лохмотьях, оскверняя высшее общество дышащими на ладан кроссовками.

Когда немного отдышалась и прошёл первоначальный ступор, с недоумением обнаружила, что перед носом снуют голые ноги в обычных китайских шлёпанцах и самых простецких сандалиях.

Хлопая ресницами, подняла взгляд и удивилась ещё сильнее, видя празднующихся людей с красными от загара

физиономиями, одетых в затрапезные шорты, мятые футболки и расстёгнутые рубашки. Большинство выглядели так, будто только что покинули пляж.

Некоторые женщины вообще не заморачивались и щеголяли в просвечивающих парео, под которыми виднелись купальники. Без тени неловкости рассекали сие сверкающее пространство с неуложенными волосами и без капли макияжа.

Единицы выглядели более нарядно, видимо, собираясь на прогулку за территорию отеля, но тоже в недорогой удобной одежде без изысков.

Не было здесь ни одной особы в вечернем платье, ни одного мужчины в костюме и галстуке. Кроме служащих на ресепшен.

И, несмотря на это, похоже, каждый чувствовал себя в этом великолепном пространстве абсолютно комфортно.

Успокоилась и Полина, убедившись, что своим видом не нарушила гармонию и ничем не выделялась из общей массы. Хотя с таким бывалым путешественником, как Глеб, можно было не бояться.

Выделенный им номер тоже впечатлил. Размером, декором и роскошной обстановкой. Но уже не так мощно, как отель в целом. Они с Красавиным переглянулись, улыбнувшись одними глазами, увидев две большие отдельные кровати.

Похоже, лимит восторга и ощущений Полины был достиг-

нут. Усталый мозг отказывался выдавать новые порции эмоций.

Они оставили чемоданы не распакованными в центре комнаты и, не переодеваясь, помчались на ужин.

Разговаривать ни о чём не хотелось, они просто поели. Думать и собирать мысли в связную речь не осталось сил.

Насытившись, вернулись в номер и рухнули в кровати.

Хотелось одного: спать, спать и спать.

Глава 15. Первый день

Он наступил – первый день на море!

Полина не ожидала, что оно до такой степени ошеломит её.

Как огромное тёплое существо, море играло, пульсировало, дышало, излучало эмоции.

Жило! Ощущалось живым организмом.

Подвижные волны искрились на невероятно ярком солнце. Набегали, обдавая едва уловимым запахом йода, водорослей и соли. Завораживали слух, гипнотизировали плеском и, шипя, растекались в лёгкую пену, щекоча ступни приятной прохладой.

Сумасшедшие блики, казалось, сквозь зрение проникали внутрь мозга, просачиваясь до самого затылка. Зажигали ответные импульсы и восторгом разбегались по телу.

Полина, вздрагивая от контраста температур, обняла себя за плечи и осторожно зашла вглубь.

Вода была абсолютно прозрачной, она переливалась солнечными зайчиками как на поверхности, так и внутри, даже на самом дне плясали яркие пятна.

Не в силах сдерживаться, девушка тихо пищала от восторга: она видела каждый пальчик на своих ногах, каждый камешек и все песчинки. Будто находилась на воздухе. Только

движущиеся искры, как цветомузыка, колыхались по коже.

Стайка маленьких серых рыбок закружила вокруг неё. Ткнулась в босые незагорелые ступни и умчалась дальше.

Полина закусила расплывающиеся до ушей губы, чтобы не выглядеть настолько ребячливо-глупой, и оглянулась на Глеба. Окунуться полностью ещё не решилась.

Тот остановился на краю прибой. Со смеющимися глазами наблюдал за её по-кошачьи боязливыми движениями.

По-отечески подбодрил:

– Давай-давай, ныряй! Не бойся.

Она вернула восторженную улыбку.

Кивнув, вытаращила глаза, набрала полную грудь воздуха, задержала дыхание и резко окунулась.

Взвизгнула от перемены температур, что было силы заработала руками и ногами, по-собачьи поплыла вдоль берега. Глубина её с детства жутко пугала.

Через пару секунд вода показалась более тёплой. Полина незаметно облизнула мокрые губы и пришла в ещё больший экстаз: море и правда солёное!

Метрах в трёх от неё, обдавая фонтаном брызг, разбил сверканье Глеб.

Нырнул, через время показался на поверхности и красивыми уверенными гребками направился в сторону буйков.

Полина проводила его завистливым взглядом.

Она могла держаться на воде ровно до той минуты, пока чувствовала под собой дно. Как только понимала, что земля

находится на расстоянии, превышающем её рост, охватывала паника и она тут же начинала тонуть.

Ну и пусть! Вдоль берега тоже можно прекрасно плавать, периодически проверяя ногой, достаёт ли до дна.

Побарахтавшись, сделала очередное приятное открытие. оказывается, морская вода поддерживала тело значительно надёжнее речной.

В итоге за полчаса Полина бесповоротно влюбилась в море. Плавала, фыркала, сдувала капли с кончика носа, наслаждаясь добрым качанием волн. С блаженством ощущала солнечное тепло на коже и вкус соли на влажных губах.

Чудеса! Она и правда на море!

– Чего крутишься на мелководе? Поплыли на глубину, – ухватил за руку и потянул от берега внезапно вынырнувший рядом с нею Глеб.

– Не-е-ет! – отчаянно взвизгнула Полина.

Вывалась из захвата и круто повернула к суше. Через плечо крикнула:

– Боюсь

Тот хохотнул:

– Ох и трусиха! Поплыли, я рядом буду, подстрахую. Ты прекрасно держишься. Полчаса гоняешь туда-сюда без остановок.

– Нет, нет и нет! – пугаясь, что упрямый мужчина всё-таки подшутит и утащит в бездну, она торопливо выбралась на песок.

И остановилась, растерянно крутя головой – не запомнила, где находятся их лежаки.

– Заблудилась, – ехидно констатировал возвысившийся рядом Глеб. – Идём, потеряшка, – протянул руку.

Помедлив секунду, она нерешительно вложила свою ладонь в его и, слегка потупившись, пошла следом. Представила, как они смотрятся со стороны. Кто не знает, подумает – пара.

Покосилась на отдыхающих. Но никому не было до них дела. Таких, как они, было по пять штук на квадратный метр.

Каждый занимался либо собственной персоной, либо беседовал с соседями, глазел на море или в телефон. Некоторые фотографировались, снимали видео. Семейные следили за детьми.

Большинство просто раскинулись на шезлонгах или стояли, задрав к небу лицо, поворачивая то один, то другой бок жаркому южному солнышку.

– Вот наши лежаки, – ткнул Глеб.

Нравоучительным тоном посоветовал:

– На будущее – всегда запоминай место. Особенно если пляж такой широкий, как в этом отеле. К тому же у всех на матрасах одинаковые полотенца. Викуля у меня уже опытная. Она обычно привязывает к зонтику специальный шарфик, чтобы сразу найти наши шезлонги.

– Классно придумала! – обрадовалась Полина.

Ободрительно щёлкнула пальцами, приветствуя идею.

– Сейчас я тоже так сделаю. У меня есть ярко-красный с жёлтыми пятнами палантин, его издалека будет видно.

Подбоченившись и наклонив голову к плечу, Глеб ехидно наблюдал, как она, не сомневаясь ни секунды, резво взгромоздилась на ходящий ходуном лежак и изо всех сил тянулась, пыхтела, чуть ли не подпрыгивала, пытаясь прицепить к прутьям непослушную ткань.

Рыкнув, закатил глаза:

– О-о-о... Что же ты такая самостоятельная, Поперечная? Давай я привяжу. Рядом ведь стою, неужели трудно снизойти до просьбы о помощи? – вздохнув, проворчал он.

– А что такого... Даже не подумала... Я привыкла всё делать сама... – растерянно оправдывалась она.

Красавин ловко вытянул из её пальцев пёструю тряпку и без лишних телодвижений легко закрепил на штыре двумя тугими узлами. Та ядовито ярким стягом триумфально заполоскалась на ветру.

Полина бросила завистливый взгляд на самодовольную физиономию мужчины. Шмыгнув носом, поморщилась: конечно, с его ростом можно не скакать, а решить проблему парой изящных взмахов.

Заодно выгодно продемонстрировать атлетическое тело.

– Спасибо за помощь, – из-за смущения за свою неуклюжесть и недогадливость поблагодарила его с довольно кислым видом.

Глеб, изогнув бровь, иронично взирал на её недовольную

гримасу. Хмыкнул, укоризненно качнул головой, но не огласил мысли.

Зевнул и с грацией большого тигра лениво растянулся на шезлонге.

Полина, потоптавшись вокруг зонтика, тоже плюхнулась на своё полотенце. И чуть не замурлыкала, чувствуя, как приятно впитывает прогретая солнцем ткань прохладную влагу её купальника.

Блаженно прищурилась, пошевелила ступнями, любуясь на весёленький педикюр: красота! И это относилось не только к ногтям.

Глава 16. Сказка

Всё-таки хорошо, что она согласилась на этот тур. Чувство, словно перенеслась в другое измерение – в сказочное. Между ней и заботами из повседневности выросла стена.

А если тяжёлые мысли с назойливостью осы всё же проникали, пытаясь ужалить и подпортить праздник, она просто была вынуждена их разогнать.

Ибо всё можно отложить и обдумать после возвращения. Учитывая, что при всём желании на таком расстоянии от дома невозможно ни во что вмешаться или на что-то всерьёз повлиять.

Поэтому оставалось только расслабиться и смириться с ролью принцессы, самое сложное для которой – выбрать наряд для прогулки и блюдо в ресторане.

В кои-то веки ей улыбнулась удача, такое везенье случается раз в жизни, и то не со всеми.

Только вот то и дело вспыхивающие при взгляде на неё смешливые огоньки в зрачках Красавина смущали и вынуждали держаться настороже. Кому приятно чувствовать себя объектом для подтрунивания?

Сквозь ресницы осторожно покосилась в сторону Глеба. Его глаза были закрыты.

Залюбовалась, посмеиваясь над собственными ассоциациями: вот уж кто действительно принц – при любых об-

стоятельствах, каждую минуту, секунду, независимо от географического местонахождения, наличия или отсутствия на нём одежды.

Он даже лежать умудрялся как-то красиво, с особенной грацией, не как остальные.

Невольно задержалась на созерцании его идеальной фигуры дольше, чем следовало. Улыбнулась: зачем тратить деньги на музеи или выставки? Вот он, бесплатный экспонат в самом что ни на есть натуральном виде. Смотри – засмотришься!

Опомнилась, когда тот перекатился на другой бок.

С усилием отвела исследовательский взгляд, перевернулась на живот и уткнулась носом в махровую ткань, стараясь выкинуть крамольные мысли. Незаметно задремала.

Спустя четверть часа, испугано хлопая ресницами, подскочила от недовольного возгласа:

– Боже мой, Полина! Ну честное слово, ты чисто ребёнок. Кто же ложится под открытые лучи в первый же день? Ещё и с твоей молочной кожей! Вся сгоришь. Даже защитным кремом не намазалась. О-ох... Глаз да глаз за тобой.

Жених сестры раздражённо хмурился, разглядывая девушку.

Не предупреждая, сердито ухватился за лежак и вместе с ней перетащил в тень. От беспардонного рывка Полина съехала на самый край и едва не вывалилась. Благо, что в последний миг успела вцепиться в шезлонг и удержалась. Иначе с самым дурацким видом оказалась бы лежащей на песке.

Разозлилась: какой псих!

– Ожоги будут, температура поднимется. Мучайся потом с тобой, – брюзжал Красавин.

– Не надо со мной мучиться, сама справлюсь. Никого не прошу ухаживать, – обиженно отозвалась она, с опаской созерцая, как он нервными движениями откручивает крышку с защитного средства, окидывая Полину оценивающим взглядом.

– Лежать! – грозно рявкнул он, разворачивая ахнувшую девушку.

Не спрашивая разрешения, бесцеремонно выдавил полоску крема на спину.

Нагло приплюснул спутницу к шезлонгу при очередной попытке воспротивиться и принялся аккуратно размазывать массу.

Полина дёрнулась, возмущённая таким обращением, но притихла и сердито зарылась лицом в пляжное полотенце, после того как Глеб пригрозил сесть сверху и опустошить на неё весь тубик.

– Ой-ёй! Ты чего?! Зачем застёжку расстегнул? – ёрзая, заверещала она, стыдливо пытаясь вернуть купальник на место.

– Затем! – огрызнулся мужчина и подозрительно захрюкал.

«Смеётся, что ли?!» – негодовала она, делая попытку одновременно удержать лифчик и развернуться, дабы увидеть

лицо нахала.

– Да полежи, наконец, спокойно, – пробурчал тот сквозь зубы. – Не посмотрю, что ты Викина сестра, шлёпну как следует по пятой точке. Мало не покажется. Воображаешь, что я нашёл повод тебя полапать?

– Ничего я не думаю, – с обидой пискнула она. – Я не в твоём вкусе.

Тот на секунду остановил своё занятие. Наклонился, заглядывая в лицо, и, хохотнув, подтвердил:

– Да-да, правильно: не в моём. Это Вика тебе сказала?

Полина предпочла промолчать. Сопела, прислушавшись к плавным движениям, и тайно призналась себе: ей безумно нравились его касания.

Он так умело и нежно растирал кожу, что глаза сошлись в кучку, а по затылку спотыкающимся табуном бежали и возвращались мурашки.

Спустя минуту протянул крем:

– Спереди намажься сама. Но если хочешь, могу всю погладить, – ехидно ощерился он, заметив её разомлевший вид.

– Спасибо, я справлюсь, – Полина, стряхнув оцепенение, резво подскочила с шезлонга.

Пародируя Красавина, тоже ослабилась:

– А тебе спинку натереть?

– Замечательная мысль, – тут же отозвался Глеб. – Не откажусь.

«Уф-ф... Дёрнуло же за язык!» – она сконфузилась и немного расстроилась из-за согласия. Предлагая услугу, почему-то была уверена, что тот откажется.

Неодобрительно взглянула на бронзовую от загара кожу, что там защищать? Уже давно всё насквозь прокопtilось.

Однако в то же время жутко хотелось потрогать мужское тело. Было интересно и волнительно до страха, аж кончики пальцев защипало.

И отступить неудобно – этим показала бы, что вкладывает в банальное нанесение средства от загара нечто большее, чем простые механические движения.

Выдавила белую массу в ладонь и поднесла к мускулистой спине.

Задержалась на секунду, не решаясь прикоснуться. Потом резко выдохнула и звонко припечатала руку к чужой коже.

Красавин выгнулся, громко охнул и гоготнул в очередной раз:

– Ну ты и влепила, Поперечная! От души. Комара прикончила?

Полина, плотно сжав губы, нервно елозила пальцами по торсу и злилась. Манипуляции оказались слишком интимными и провокационными.

Ноздри наполнил непривычный запах, который источала разогретая мужская кожа, отзываясь внутри каким-то смутным томлением.

Отчего-то представилось, как двоюродная сестра в мо-

менты страсти губами касается этих мест, и сразу захотелось отдёрнуть руки.

Раздражение усилилось.

Тем не менее отметила, что испытывает какое-то извращённое удовольствие от приятной упругости рельефного тела.

Судя по реакции Красавина, того подзуживало её смущение, и ему невероятно нравилось дразнить неискушённую спутницу.

Прикрыв хитро поблескивающие глаза, принялся картинно перекачивать мышцами, подставляя то один бок, то другой. Сквозь опущенные ресницы наблюдал за эмоциями девушки, сексуально постанывал и с нарочитой хрипотцой советовал, где сильнее нажать, где чуть нежнее, или задержать-ся подольше.

В общем, изображал неземное удовольствие.

Пока Полина, психанув, не ущипнула его и не швырнула тубик с кремом:

– Прекрати обезьянничать! Можно подумать, будто я тебе эротический массаж делаю!

Он откровенно расхохотался и потянул её в сторону бара. Примирительным тоном предложил:

– Ладно тебе, Полиночка, не дуйся. Пойдём лучше посидим внутри. Там прохладно.

– Пойдём, – вздохнула она.

Глава 17. Инцидент

С малопонятной грустью в очередной раз констатировала: оказывается, жених Вики вовсе не был тем отталкивающим высокомерным снобом с чрезмерно раздутым самомнением, каким воспринимался сначала.

Вроде бы, как и говорила сестра, он и правда неплохой человек.

По крайней мере, с ним было весело и легко. Куда-то исчез его жёлчный сарказм, сменившись нормальным чувством юмора. Полине всегда нравились и казались умными люди, способные подшучивать не только над другими, но и над собой. Глеб был именно таким: он благодушно реагировал на её приколы, дурачился сам, не боясь казаться смешным.

Цокнула, удивляясь себе: надо же, всего за два дня полностью изменилось её мнение о человеке, и оставалось всё меньше поводов дуться или ожидать подвоха.

Хихикнула, если честно, в такого проказливого Глеба она запросто влюбилась бы, не будь у него отношений с Викторией.

– Что тебе взять? – не догадываясь об игривых мыслях, шныряющих в её голове, поинтересовался тот, окинув изу-

чающим взглядом витрину с напитками.

– Ой... – растерялась Полина..

Не замечая ничего предосудительного в своих действиях, привстала на цыпочки, подтягиваясь до мужского уха, и, понизив голос, чтобы слышал только он, доверительно призналась:

– Я не разбираюсь во всех этих названиях. Возьми что-нибудь... вкусное.

– Отлично! Понял, – коротко кивнул он, не отрываясь от прилавка. – Сейчас закажу. Присядь куда-нибудь, где глаз остановится.

После недолгого блуждания по затемнённом помещению она шагнула на светлую сторону бара. Больше всех остальных ей понравился круглый столик на самом краю веранды, украшенный одиноким цветком в узкой вазе.

Оглянулась на Глеба, убеждаясь, что он одобрил её выбор, опустила в плетёное кресло и поплыла от вида на море.

Звучала музыка. Лёгкий ветер трепал кроны пальм, живая изгородь из кустов окружала бар.

Далеко на горизонте красовались неторопливые парусники, яхты. Шумные прыгучие гидроциклы рассекали волны вблизи берега, оставляя за собой белую пену и восторженный визг.

В голубом до рези в глазах небе под цветастыми парашю-

тами со смеющимися смайликами, болтая ногами, парили смельчаки.

С пляжа доносился смех, беззаботные голоса, звуки ударов мяча.

Солнце, небо, море – красота и полный релакс.

– Вот, пробуй, – Глеб вырвал её из созерцания, опустив перед носом запотевший бокал, в котором среди разноцветных слоёв напитка постукивали прозрачные кубики льда.

Сел напротив, с испытующей улыбкой наблюдая, как она делает первый глоток.

– Ну как? Нравится?

– Ммм... – кивнула Полина. Было так хорошо, что не хотелось разрушать блаженный момент, открывая рот для ответа.

Красавин удовлетворённо мурлыкнул и, сдув пену в своём стакане, отпил содержимое.

Между делом огласил план мероприятий:

– После обеда сходим в СПА-салон. Запишемся на процедуры и массаж. Пока ты не обгорела, заглянем в хаммам. Это надо сделать или сегодня, или крайний срок – завтра. После него загар хорошо ложится. Перед ужином погуляем по городу. Нравится мне одно турагентство, заглянем туда. Ты в стране впервые, ничего ещё не видела. Значит, можно брать любые экскурсии. Сначала предлагаю съездить на двухдневную, потом ещё куда-нибудь сгоняем.

Полина пожала плечами: она не против. Всё равно куда ехать, пусть выбор делает Глеб. Он уже полностью завоевал её доверие.

Дни помчались донельзя стремительные и насыщенные, порой казалось – время потекло иначе. Полина уже запуталась в последовательности, что было раньше, что позже – происходила такая уйма нового, интересного, будто и она сама, и всё вокруг кружилось в огромном калейдоскопе.

Маленький час вмещал невероятно много событий, которых в обычной жизни с лихвой хватило бы на неделю.

Примерно на пятый день отдыха произошёл неприятно озадачивший её инцидент.

Нет, звоночки уже были, и она догадывалась: мало того, что Глеб – человек со взрывным характером, так ещё и жуткий собственник. Однако не предполагала, что сей факт каким-то образом может коснуться её.

После ужина они по обыкновению направились в номер.

Никаких особенных мероприятий на этот вечер не планировали. По крайней мере, Красавин ничего не обещал.

Видимо, по умолчанию хотел провести время стандартно: прогулка по улицам погружающегося в сумерки города, который со вкусом отдыхал от дневной испепеляющей жары. Параллельно с этим потрошение ассортимента магази-

нов, трёп с общительными торговцами и сотрудниками турагентств или зависание возле уличных музыкантов.

А в заключение – участие в вечерней анимации на территории отеля.

Полина с хитрым видом помалкивала, у неё были свои планы, в которые пока не просвещала Глеба.

Он, закинув ногу на ногу, в одежде завалился на кровать. Заграбастав пульт телевизора, принялся перебирать каналы, отыскивая непонятно что. Похоже, не обнаружил ничего стоящего и, лениво позёвывая, открыл ноутбук.

С сытым видом вполглаза следил, как Полина в приподнятом настроении порхает из комнаты в ванну, из ванны обратно в комнату. Крутится у зеркала, освежает макияж, приводит в порядок волосы.

Напоследок сбрызнув духами шею, подёргала носом. Аромат, который в дюйти-фри выбрал для неё Глеб, ей очень нравился: лёгкий, приятный и стойкий – запах держался чуть ли не сутки.

Наконец закончила прихорашиваться. Перекинула лямку сумочки через плечо, взялась за ручку двери. Помахав ладошкой, игриво подмигнула:

– Пока, Глебчик! Сюрпри-и-из. Не скучай. Сегодня проводим вечер по отдельности. Я на анимации познакомилась с хорошеньким мальчиком из моего города. Мы договорились встретиться в девять часов на ресепшен.

Довольно отметила, как мгновенно исчезла сонливость и изумлѐнно вытянулось лицо Красавина.

Полина озорно хихикнула и, показав кончик языка, выскользнула в коридор.

Но не успела сделать и шаг, как в долю секунды с грохотом распахнулась дверь. Вслед с красным перекошенным лицом выпрыгнул босой Глеб и, грубо схватив за руку, втащил её в номер.

Глава 18. Актёр

Если честно, то она ожидала нечто подобное. И втайне даже обрадовалась, что Красавин не остался равнодушным. Если бы он никак не отреагировал, а по-отечески благословил её на гулянье и помахал вслед, было бы немного обидным: неужели они совсем посторонние люди и Глеб ни капельки не переживает за неё?

Но сейчас удовлетворение мешалось с недоумением: он явно перебарщивал с демонстрацией негативных эмоций, будто разыгрывал плохую роль в дешёвом спектакле.

Чего стоил преувеличенно яростный ор:

– Куда? Стоять! Какой ещё мальчик и что за гуляния?

– Пусти! Ты чего меня хватаешь? – хохоча, возмутилась Полина.

Слабо дёрнула рукой в попытке освободиться. Безуспешно – Глеб впился мёртвой хваткой. Даже пальцы побелели, с такой силой вдавились в кожу. Похоже, не понимал, что за актёрствовался и своим театральным гневом мог оставить на её теле вполне реальные синяки.

Разделяя каждое слово, внятно повторила:

– Я же говорю, с мальчиком познакомилась из нашего отеля. Ждёт меня на ресепшен. Нормальный парень: вежливый, симпатичный. Отдыхает с другом, но сейчас мы вдвоём прогуляем.

– И кто тебе разрешил?

– В смысле: кто разрешил? Что разрешил? – округлив глаза, но всё ещё смеясь, переспросила она, думая, что Глеб так забавно шутит. – Мне не требуется ничьё разрешение. Я свободная личность.

– Ну-ка, идём поговорим, свободная личность, – сквозь зубы процедил он и, схватив за локоть, из прихожей бесцеремонно потащил внутрь.

Подтолкнул к центру комнаты.

Полина с улыбкой от уха до уха повернулась, рассчитывая встретить ответные дурашливые эмоции. Однако, как ни приглядывалась, не обнаружила на его лице ни малейшего намёка на игривость.

Хихикнула: надо же, какой талантливый артист! Правдоподобно изображает злость.

Взглянув на время, топнула, поторопила:

– Глеб, давай скорее говори, что ты хотел? Мне некогда. Я ведь не шучу, мальчик правда ждёт. Опаздываю.

Шагнула к выходу с целью обойти мешающую фигуру.

Красавин, скрестив руки на груди, несдвигаемой глыбой преградил дорогу.

Сквозь зубы мрачно прогудел:

– Полина, ты не поняла? Я тоже не шучу. Ты никуда не пойдёшь. Я не раз-ре-шаю.

Сглотнув, она удивлённо посмотрела в непривычно серьёзное лицо и ледяные глаза цвета стали. Из них струился неподдельный холод и вымораживал бушующее в ней веселье.

До Полины вдруг дошло: мужчина действительно не шутит. Приподнятое биение сердца притормозило, настроение испортилось.

– Пф-ф... – высокомерно скривилась она. – Ты ничего не перепутал? Кто ты такой, чтобы запрещать мне?

– Кто я такой? – вздыбился тот. Ноздри изящного носа гневно затрепетали. – Если забыла, напоминаю: в данной поездке мы изображаем пару. Я не позволю считать, будто я настолько лох, что разрешу своей девушке крутить хвостом перед другими.

– Ха-ха! Во-первых, маленький нюанс: я не твоя девушка. Своей Викой можешь командовать. Во-вторых, ни о чём подобном мы не договаривались.

– Полина, – со сдержанной угрозой выплюнул Глеб. – Рекомендую не ссориться со мной. Мы ведь неплохо ладили. Не порти отношения. Чего тебе не хватает? Тебя за просто так привезли на Средиземное море. Я потакаю каждому твоему капризу. Все удовольствия доступны, ни в чём не отказываю, не обижаю. От тебя требуется одно: веди себя корректно, как я прошу. Никаких знакомств и прогулок с другими мужчинами. До конца тура мы – пара и ведём себя соответственно. Точка.

Она, скрипнув зубами, нервно скинула босоножки. Так, что они разлетелись в разные углы.

Насупилась, всем видом показывая: «Ну конечно, помню – этот праздник за твой счёт, спонсор несчастный. Купил моё соседство на две недели. Я как эскортница – моё дело кланяться, подчиняться и благодарить за оказанную милость. Ещё и мелочно ткнул носом в зависимость от себя. Фу, как низко».

Демонстративно забралась на кровать. Поджала ноги к подбородку, обняла колени и, повернув голову к окну, язвительно буркнула:

– Хорошо, о господин великий и ужасный! Тогда я никуда не пойду. Спать лягу.

Тот навалился спиной на стену и пожал плечами.

– Спи.

Полина, поморщившись, осторожно покосилась на время: девять часов! Стрельнула глазами в Красавина. Он с неприимым видом изучал информацию в сотовом и явно не намеревался уступать.

Вздохнула с досадой. Дёрнуло же за язык. Кто ложится в такую рань? Сейчас только вся главная курортная активность и начнётся. Даже детская анимация в самом разгаре.

– Интересно, как ты тому парню объяснила, что живёшь в одном номере с мужчиной? – оторвавшись от экрана телефона, ровным голосом полюбопытствовал Глеб.

– Фи... Обыкновенно. Сказала, что ты мой двоюродный

брат.

– Вот как... Жаль разрушать наметившийся роман, но придётся разочаровать мальчика. Чтобы больше не возникло желания подкатывать к тебе, скажешь ему, что я твой мужчина. Мы поссорились, и ты хотела отомстить, чтобы разозлить меня.

– Вот ещё! Ничего подобного говорить не собираюсь.

– Не говори, – спокойно согласился Красавин. – Если сама не сделаешь, тогда я, дабы никто больше не делал поползновений в твою сторону, стану прилюдно лапать тебя.

– Ещё чего не хватало! – разозлилась она. – Может, ещё и в дёсны целовать начнёшь?

– Легко, – не моргнув глазом, подтвердил Глеб. Послал воздушный поцелуй, градус его раздражения повысился. – Могу и поцеловать. Не в дёсны. В губки. Могу и дальше пойти.

– Только попробуй, повелитель недоделанный! Отлетишь к чёрту и забудешь, как командовать мной! Фига с два ты меня прогнёшь! – вспыхнула, не сдержав возмущение, Полина.

Импульсивно метнула в него сумку.

Красавин ловко отбил предмет. С недобрым прищуром внезапно оттолкнулся от стены и, скривив губы в хищный изгиб, тигром метнулся к ней на кровать.

Одним движением дёрнул за ноги, опрокидывая опешившую девушку на лопатки. Навис сверху, упираясь локтями

по бокам от головы, приблизил вплотную лицо к её и молча сверлил бешеными глазами.

Глава 19. Блицкриг

Полина обмерла, боясь шелохнуться. Момент стал опасно щекотливым, и любой неосторожный рывок мог привести к неоднозначной ситуации, о которой позже пожалели бы оба. Возбуждённое дыхание мужчины мягкими толчками билось о губы и растекалось по лицу.

Она инстинктивно упёрлась вспотевшими ладонями в напряжённую грудь захватчика, не позволяя ему наклониться ещё плотнее. Сердце работало скачками.

Девушка до кончиков ногтей прочувствовала, насколько беспомощна перед агрессивной мощью взрослого самца. Если продолжить спор, то он скрутит её одним движением и... И?

Не хотелось узнавать, что случится дальше.

В конце концов, что происходит? Недоумённо выдохнула: – Г-глеб... Ты чего? Х-хорошо... Успокойся. Я больше не буду... Скажу, как ты велел...

Он с трудом усмехнулся. Обвёл расфокусированным взглядом её лицо. Сглотнул. По телу, как после команды «отомри», прошло едва уловимое сокращение, смягчившее мышцы рук.

Будто очнувшись, перекатился на край, неохотно поднялся. Через плечо бросил:

– Не расстраивайся из-за мальчика. Нафантазируй себе что-нибудь... сладенькое... Девочки обожают мечтать. Придумай фигню успокоительную, типа легенды, будто я в тебя влюбился так, что крышу снесло, и приревновал. Когда поверишь в сказку, тогда станет не так обидно оттого, что не пустил на свидание.

– Ты ненормальный...

– Угу, – фальшиво зевнув, подтвердил он. – Вставай. Идём погуляем. А то из-за твоего упрямства и правда придётся укладываться спать в детское время.

Чувствуя холодок в коленях от странного поведения мужчины, но самолюбиво стыдясь, что ему удалось её испугать, Полина изо всех сил демонстрировала, что не струсила, а только снизошла до инсценировки покорности.

Гордо одёрнула одежду, сползла с кровати и, натягивая босоножки, ворчливо выдвинула условие, когда Глеб вернулся после пятиминутной отлучки в ванную:

– Только пройдем через ресепшен, чтобы Антон не ждал меня зря.

– Ага, – небрежно согласился он, поправляя у зеркала растрепавшуюся причёску.

Внешне к нему вернулось обычное состояние, в голосе зазвучали добродушные интонации, словно никакая гроза не прогрохотала только что.

Полина побрела к двери, всё ещё чувствуя противную дрожь в ногах, но изображала крайнюю степень недоволь-

ства. На самом деле в душе бурлил микс из облегчения и полного замешательства.

Не получалось с лёту разобраться в захвативших её странных импульсах, требовалось время, чтобы подумать о многом.

Ощущение того, как было одновременно леденяще-страшно и... возбуждающе жарко, когда Глеб зажал её своим каменным телом, не исчезало, а усиливалось.

Внутри просыпалось нечто противоречащее здравому смыслу, коварно-исследовательское, провокационное, подначивающее измерить грани выдержки Красавина.

В то же время чувствовала радость от того, что странная сцена завершилась благополучно, они не рассорились в пух и прах, как могло случиться после подобной стычки.

Вроде бы, как цивилизованные люди, они погасили конфликт, сохранили френдзону, и всё остаётся по-прежнему.

Главное на эту минуту, что им не придётся сидеть вдвоём в одной комнате, не понимая, как себя вести. И они, как обычно, продолжают веселье на свободе, среди таких же жизнерадостных отдыхающих.

Конечно, теперь надо действовать с оглядкой. И смириться с новыми реалиями, осмыслить дикое поведение жениха сестры. Уяснить, что у него совсем непростой характер: во все не мягкий и пушистый, каким Полина его себе вообразила, расслабившись под южным солнышком.

Освоиться с фактом: оказывается, Глеб способен показы-

вать зубы. Острые.

Нет, не зубы, скорее даже клыки!

С учётом этого тем не менее продолжить прежние шутиливо-игривые приятельские отношения. Хотя бы до возвращения в Москву.

Поймав насмешливый прищур Красавина, нацеленный на её шаркающую походку, Полина расправила плечи и, нацепив на лицо независимое выражение, поступью от бедра подплыла к выходу из номера.

Глеб тут же с театральной галантностью склонил голову, изображая, будто снимает шляпу, и, по-швейцарски щёлкнув каблуками, распахнул перед ней дверь.

Полина, не моргнув глазом, величественно выплыла в коридор.

Их взгляды воровато встретились, оба смешливо фыркнули и невольно заулыбались.

Напряжение ослабло.

Дорогие друзья! Если вам нравится история, отметьте её звёздочкой: «Мне нравится» и добавьте в свою библиотеку, чтобы не потерять. Подписывайтесь на автора. Благодарю за любую активность.

Глава 20. Собственник

У Глеба, судя по его танцующей походке, приподнятое настроение окончательно сменило агрессивное. Словно это не он, а совсем другой человек рычал десять минут назад.

При входе в холл, где Полина собиралась встретиться с тем самым Антоном, Красавин вдруг совершил короткий бросок к ней, крепко обхватил за талию и по-собственнически привлёк к себе.

На глазах изумлённого парня, который её поджидал, зарылся носом в девичьи волосы, ласково ероша их. Пальцами приподнял подбородок Полины, заботливо закидывая прядь, упавшую на лицо, за ухо.

И окончательно добил шокированного зрителя, с притворной нежностью задержавшись губами на виске девушки.

От неожиданности Полина ахнула и онемела, не сумев хоть как-то отреагировать на провокацию.

Мгновенно всколыхнулся парализующий страх, как в тот момент, когда он прыгнул на неё.

Напряглась до дрожи, сдерживая вырывающиеся эмоции и желание оттолкнуть Глеба подальше. В свете недавнего конфликта не сообразила, как правильно поступить.

Перед глазами мелькнуло искривившееся в презрительной гримасе лицо нового знакомого.

За поворотом Красавин отпустил её. Игра на публику за-

вершилась.

На ходу показательно вытер губы, тщательно отряхнул руку, которой секунду назад обнимал Полину, и продолжил победное шествие.

Через пару шагов прекратил дурачиться, сделал лицо по-проще, подмигнул и расхохотался:

– Вот и решена проблема с твоим кавалером. Да, Поль?

Поразмыслив, она предпочла не спорить и не возмущаться. Сделала вид, что ничего ненормального не произошло.

Конечно, перед парнишкой было неудобно, но пусть... Переживёт. Не до него.

Всё-таки действительно нельзя быть настолько неблагоприятной и наглеть, нарушая обозначенные условия. Они на самом деле несколько не кабальные.

Да и, если честно, тот мальчик не очень-то заинтересовал.

Ради него уж точно не пошла бы на конфронтацию с Глебом.

Тем более с Красавиным намного веселее и... и волнительнее...

Где-то глубоко, заглушая тревогу и доводы рассудка, притаилась льстивая убеждённость: похоже, он её ревновал. Чуть-чуть... Да?

Невольно вздохнула: только жаль, что роман с ним невозможен.

Хотя... Почему невозможен?

Если вспомнить, Вика сейчас обдумывает выбор и прово-

дит время с французом.

Большой вопрос: на котором из мужчин она остановится?
В общем, есть о чём помечтать!

За исключением этого и ещё парочки идиотских недоразумений, они прекрасно ладили, и обоим было комфортно вместе.

У них сложились своеобразные отношения. Их, безусловно, связывала взаимная симпатия. Нельзя сказать, что это была физическая тяга, по крайней мере со стороны Полины.

Ей импонировала безбашенная дерзость Глеба. И то, что с ним не возбранялось болтать о чём угодно и бесконечно долго.

Его можно было спросить о самых малоизвестных вещах и фактах, а он всегда без заминки выкладывал ответ. Словно у него в голове находился компьютер, непрерывно держащий связь с интернетом. Темы для общения появлялись сами собой.

Кажется, к концу второй недели они уже понимали друг друга с полуслова и даже по-настоящему подружились.

А если ссорились, ибо, несмотря на идиллию, мелкие разногласия всё же случались, и обычно по инициативе Полины, Красавин всегда был первым, кто делал шаг к примирению.

После того вечера Полину всё чаще выводило из себя его хладнокровие. Появился прямо-таки нестерпимый зуд от желания прощупать границы допустимого и снова ощутить ту

бешеную реакцию на её строптивость.

Словно дерзкий бесёнок вселился, подзуживая задирать внешне сдержанного мужчину.

Полина усвоила: Глеб вовсе не был толстокожим. Она точно знала, что своими провокационными выходками и идеями, которые кишмя кишели в её голове и требовали реализации, чувствительно цепляла его.

Но разве можно удержаться, чтобы не измерить: насколько крепка его выдержка? Где находится точка кипения? Насколько лично она способна возбудить или даже не возбудить, а до какого состояния довести Красавина?

До того случая она не встречалась с таким накалом эмоций, чтобы человек на глазах потерял контроль над собой.

Тем не менее жених Вики держался дружелюбно и сквозь пальцы взирал на выкрутасы будущей родственницы. Судя по всему, невзирая на её ершистость, а может быть, даже благодаря этому, ему нравилось опекать и баловать навязанную спутницу.

Он постоянно продумывал новые маршруты для пеших прогулок: оптимальные, не самые утомительные, но насыщенные, желая познакомить Полину с наибольшим количеством красивых и интересных мест.

Несмотря на то что на большинстве экскурсий он уже побывал когда-то с Викторией, всё равно охотно ездил на них за компанию с её сестрой.

На вечерних променадах приглашал Полину в опробо-

ванные по прошлым поездкам кафе, чтобы угостить полюбившимся ему блюдом. Оставался довольным, если девушка разделяла его вкусовые пристрастия.

Иногда покупал ей симпатичные турецкие безделушки. Хотя, будучи гордой и не приученной к подаркам, Полина никогда их не выпрашивала и не намекала о желании обладать чем-либо.

Однако сообразительный Красавин в магазинах бдительно отслеживал её перемещения и на каком предмете дольше всего останавливался заинтересованный взгляд. И точно угадывал, что ей понравилось.

В целом Полине можно было позавидовать. Что она и делала: завидовала самой себе – будущий родственник вёл себя идеально. Как старший, мудрый и очень терпеливый приятель.

Тем временем часики тикали, и двухнедельный тур близился к завершению.

Глава 21. Разиня

Незадолго до отъезда Глеб и Полина случайно подслушали восторженные отзывы соседей по отелю и всполошились, вспомнив, что так и не побывали на морской экскурсии.

Программу поездки опрометчиво пропустили мимо ушей, думая, что она развлекательная, чисто для отдыха и восстановления сил.

И на следующее же утро отправились в путь.

Но ошиблись. Путешествие оказалось не таким лёгким, каким они его себе вообразили. Особо расслабиться не удалось.

Да, яхта была новенькой, блестящей и красивой. Они заняли удобные места, закинули ноги на свободные сидения, рассчитывая любоваться шикарными видами, поглощать напитки, слушать музыку, танцевать.

В принципе, так и было. Но не всё время. Всласть полежаться не удалось.

Сначала их высадили на какой-то крошечный пустынный остров, где, как и по всей Турции, то стояли, то лежали остатки древних развалин. И вся группа бродила по белёсым камням, твёрдым тропам, выгоревшей траве и колючим низкорослым кустарникам, опасаясь затаившихся змей и послуш-

но следуя за словообильным гидом.

Потом куда-то поплыли вдоль берега, потом от берега, потом все купались в открытом море, затем их высадили на полудикий пляж, и путешественники два часа жарились на солнце, спасаясь в тени редких деревьев.

Красота, романтика, да. Но они устали.

Опухли от обилия информации и впечатлений.

Решили: всё! Хватит экскурсий. Оставшиеся дни, как цивилизованные люди, проведут в отеле.

Кое-как добрались до номера. Не раздеваясь, как подкошенные рухнули на заправленные кровати и сразу же провалились в сон.

Через два часа подскочили, разбуженные случайным звонком на сотовый, и едва успели на ужин.

Ввалились в ресторан, накидали еду и, посмеиваясь над своими красными от солнца физиономиями, принялись торопливо глотать содержимое тарелок и жадно запивать напитками магнетической системы «всё включено».

А пить после мотания по испепеляющей жаре хотелось ой как сильно и много.

Удовлетворив потребности, окончательно осоловели. И, хвастаясь друг перед другом раздувшимися животами, слаженно отправились расслабляться на анимацию.

За пять минут до наступления переломных в системе «олл инклюзив» двадцати двух часов раскошегарившийся Красавин, отстояв очередь в бар, принёс в обеих руках пять объ-

ёмных бокалов прохладного пойла.

С довольным видом подмигнул Полине – успел-таки на бесплатку – водрузил их на стол. Стекло соблазнительно запотело, влага, собравшись в капельки, заскользила вниз, оставляя за собой прозрачные дорожки.

Глеб, небрежно откинувшись на спинку кресла, ухмылялся, гоготал, переписываясь в менеджерах.

Полина лениво потягивала коктейль, краем глаза наблюдала за выступлением артистов и тоже изредка перекидывалась сообщениями с подругами.

Привычно отправила фотографии и шутливый отчёт о прожитом дне сестре. Ждала вопросов от неё. Сгорала от любопытства, желая знать, как развивается роман Вики с французом, но не рисковала спрашивать открыто: телефон мог попасть в руки Красавина.

Мобильник в очередной раз сработал, оповещая о входящем тексте.

Она нажала на значок, ожидая увидеть послание от сестры, но напряглась и сморщилась, прочитав имя отправителя: дядя Саша.

«Привет, Полина. Завтра будешь дома? Я заеду, привезу продукты».

Обдало волной стыда: она не удосужилась поставить в известность своего благодетеля о том, что находится в Турции.

Вообще ни разу не вспомнила о нём. В легкомысленную голову ни на секунду не заглянула мысль оповестить его о поездке. С самого начала почему-то была уверена, что они с тётей в курсе её заграничного вояжа.

Ужаснулась про себя: «Ой, как нехорошо получилось!»

Растерянно взглянула на Глеба.

Он вопросительно кивнул, заметив её кислую гримасу:

– Чего ты? Что-то случилось?

– Дядя Саша написал, – расстроено цокнула она. – Собрался заехать ко мне домой, а я... я тут. За границей. Забыла ему сообщить, что улетела.

– Это кто? Твой родственник?

– Ну да... И мой, и Вики. Муж тёти Ани. Ты же его знаешь?

– Муж тёти Ани? Дядя Саша? – недоумённо нахмурился Красавин, соображая, о ком идёт речь. Поняв, захохотал и звонко хлопнул себя по коленям. – Сандро, что ли?

Полина смущённо кивнула.

– Обалдеть, – веселился подвыпивший Глеб. – Ты его дядей называешь? Дядей Сашей?

– Конечно! – возмутилась она. – Что тут смешного? Тётя Аня и дядя Саша. С детства их так зову. А как надо? Ты к своим старшим родственникам по имени обращаешься?

Красавин кое-как успокоился, но время от времени косился в её сторону, и его плечи вздрагивали от сдерживаемого смеха.

Потом что-то изменилось в его покрасневшем лице.

Он, сдвинув брови, уставился в одну точку и глубоко задумался.

– Так-так-так... – Прищурившись, побарабанил пальцами по столу. – И часто Сандро к тебе приезжает? Один или с Анной Сергеевной?

Полина нахмурилась: в самой формулировке вопроса скользил неприятный намёк, словно их с дядей подозревали в чём-то предосудительном.

Сразу возникло желание оправдаться.

– Один. После похорон бабушки раза четыре был. Окна в квартире поменял на пластиковые. Продукты привозит. Контролирует оплату счетов по коммуналке. – ощущая неловкость, отчиталась Полина.

В голове мелькнула тревожная мысль: может, не стоило рассказывать о визитах? Вдруг родственник помогает ей тайно и ему будет неприятно, если кто-то из семьи узнает о его волонтерстве?

И тут же прогнала нелепое предположение: такого не может быть! Наверняка сердобольная тётя Аня знает о его приездах, и, скорее всего, исполнительный муж выполняет её просьбу приглядывать за племянницей.

И для Вики помощь отчима тоже не может быть секретом.

Просто Глеб не член семьи, поэтому не в курсе происходящего.

– Окна поменял? Бесплатно? Молодец Сандро, – удивлённо хмыкнул Красавин. – Хотя... Он руководит всем этим хо-

зьяйством с металлоконструкциями. Наверняка установка в копейки обошлась.

Полина пожала плечами. У неё по этому поводу не было никаких гипотез.

Отмахнулась от излишне любознательного Глеба и сосредоточилась на обдумывании ответа дяде.

Набрала: «Добрый вечер. Извините, я не дома. Думала, что Вика с вами всё согласовала, поэтому я ничего не сообщила. У неё пропадал оплаченный тур, и она отправила меня на две недели в Турцию вместо себя. Вместе с Красавиным Глебом. Её женихом».

Отправила и опять испугалась: если дядя Саша не знает о поездке, возможно, не следовало это разглашать, и она подвела Вику, выдав секрет?

Лучше сначала утрясти информацию с сестрой, а пока ответить невнятно: «Меня не будет дома».

Уже начала стирать предыдущее сообщение, но напротив текста сразу же появились две синие галочки – прочитано.

Поздно исправлять.

Глава 22. Игра

Закусив губу, Полина с тревогой следила за мигающей надписью: «Дядя Саша печатает...».

Предупреждение то всплывало, то пропадало, вводя её в небольшую панику, но ничего нового так и не поступило. Потом сигнал исчез, и в окне диалога вместо надписи «печатает» появилось время, оповещающее о том, что абонент находился в сети десять минут назад. Ответ так и не пришёл.

Сердце кольнуло, с опозданием заметалась догадка: «Обиделся. Больше не хочет общаться. Видимо, всё-таки надо было известить о путешествии».

Полина покаянно вздохнула и, раздражённо сминая коктейльную соломинку, принялась грызть себя: какая же она неблагодарная!

По сути, в последнее время дядя Саша – единственный человек на планете, который помнил о ней и бескорыстно заботился. А она поступила по-свински, не удосужившись черкнуть хоть пару слов о настолько важном событии.

Совесьь придавило раскаянием.

Забыв о веселье вокруг, уткнулась взглядом в стол, полностью погрязнув в самобичевании.

– Эй, стрекоза, чего нос повесила? – ткнул в бок Краса-

вин.

Он заметно захмелел.

– Смотри, Сандро уже мне нотацию прислал, – потряс перед её носом светящимся экраном телефона. – Мол, если что, отвечу за тебя головой. Ещё и инструкцию наваял размером с простыню. Объясняет, что такую нежную фиалку, как ты, надо холить, лелеять и пылинки сдувать.

Отвлёкся на новое сообщение. С отвращением передёрнулся и скривился ещё более жёлчно:

– Хо-хо! Глянь, Вика написала. Оказывается, он уже и ей позвонил. Всех на уши поставил. Надо же, какой беспокойный защитник!

Придвинув стул ближе, локтями навалился на стол, похозяйски убрал мешающую прядь волос с её щеки. Ехидно прищурившись, заглянул в лицо.

– Ну-ка, колись, что у тебя с ним за отношения? – Губы растянула нехорошая ухмылка: – Амурные? Чего он так всполошился?

– Амурные?! Ничего глупее не придумал? Он же мой дядя! – разозлилась Полина.

– Ага, дядя, как же, – ощерился Глеб. – Такой же, как я, двоюродный брат. Во, смотри. Я ему твою фотку скинул, как ты печалишься после его сообщения. Шепни-ка на ушко: поди, заскучала по милому? А ведь зря он думает, что ты страдаешь и верность блюдёшь. Сейчас для сравнения видео pošлю, где козочкой скачешь. Пусть полюбуется.

Полина, округлив глаза, уставилась в снимок своей понурой физиономии на фоне пустого бокала из-под коктейля.

Ахнула: чисто пьянчужка, грустящая о закончившемся удовольствии. Лохматая, мятая, красная, с припухшим и облезлым носом – южное солнышко постаралось на славу.

Ещё и пожёванная соломинка неудачно вписалась в... натюрморт? Портрет? Торчит, будто из ноздри. Жуть, одним словом.

– Ты *это*яде Саше послал?! – ужаснулась она, делая ударение на «это».

– Ага. Дядечке-дядечке твоему любимому, племяшечка, – захохотнул Красавин. – А сейчас перешлю вот эти кадры. Как говорится, почувствуй разницу.

Открыл пятисекундное видео, где Полина с совершенно чумной физиономией, задирая ноги до критичного предела, резвится со всеми на сцене.

На днях аниматоры устроили конкурс «Мисс отеля», и она приняла в нём самое активное участие. Даже завоевала какой-то смешной приз.

– Нет! Не смей! Не посылай такой позор! – взвизгнула она, выдёргивая телефон из мужской ладони. – Умудрился ведь поймать дикий вид. Специально целый вечер караулил.

– Э-э! Отдай, – Глеб, покатываясь от смеха, тянул к себе сопротивляющуюся девушку и пытался отобрать мобильник.

Она спрятала руки за спину, недоверчиво прищурилась:

– А ты не перешлѐшь видео дяде Саше?

– Ха-ха-ха! Дяде Саше не пошлю, а вот по поводу Сандро подумаю, – веселился шутник.

– Какой же ты... гад! – заражаясь его шальным настроением, с усилием нахмурилась Полина. Губы непослушно расплзлись в улыбку. – Не отдам, пока не пообещаешь удалить эти кадры.

Вскочила, не возвращая телефон, и, отбежав на безопасное расстояние, покрутила сотовым, поддразнивая Глеба.

Пригрозила:

– Я сейчас всю галерею проверю. Посмотрю, какой компромат ты ещё успел нащёлкать.

Скользнула к входу в отель.

– Ах ты, вредная малявка... Не трогай там ничего! – ухмыльнулся Красавин.

Залпом опрокинул в себя содержимое бокалов. Ладонью обтёр губы и, поддерживая щекотливую игру, возвысился с притворно-угрожающим видом.

Полина уткнулась в экран, смешливо фыркала, рассматривая фотографии. Но, подняв голову, обнаружила погоню. Взвизгнула и припустила дальше, стремительно скрываясь за углом.

Гоготнув, Глеб рванул следом.

С разгону оба влетели на ресепшен. Чуть притормозили, блудя мало-мальские приличия для удивлённо взирающих на них людей.

Пока Глеб улыбался и раскланивался, девушка успела влететь в двери лифта, которые закрылись прямо перед носом Красавина.

Хохотнув, он повернул к лестнице и, перескакивая ступени, взлетел на свой этаж.

Полина уже вышагивала вблизи их комнаты и, не теряя времени, на ходу изучала галерею телефона.

Оглянувшись, услышав топот, метнулась к двери и заскочила внутрь номера.

Через секунду туда ворвался Красавин.

– И-и-и! – в переизбытке чувств завизжала Полина, прыгая в изголовье своей кровати.

Сунула сотовый под подушку и плюхнулась сверху, отчаянно прижав грудью: не отдам!

– Ох и рискуешь, Польша! – оскалился Глеб.

Бесцеремонно схватил за щиколотку, подтянул к краю. Она хохотала до слёз, брыкалась, извивалась и карабкалась назад. Платье бесстыдно задралось до пояса, в горячке она не обращала на это внимания.

Да и что там можно разглядеть нового после ежедневного обнажения на пляже?

В какой-то момент игра резко изменилась...

Мужчина навис над Полиной, его глаза потемнели. Он больше не улыбался. Крепко стиснул девичьи запястья одной рукой и придавил их к изголовью. Будто потяжелев, навалился нижней частью тела.

Девушка притихла, всё ещё хихикая, но уже по инерции.

Подол совсем перекрутился и сбился к подбородку. Через секунду она замерла, с испугом смотря на жениха сестры, ощутив упирающийся в живот твёрдый бугор.

Глава 23. Упс...

Грудь Глеба ходила ходуном, лицо медленно приближалось к её.

С ужасом поняв, что сейчас произойдёт, Полина дёрнулась, отрицательно мотнула головой.

– Прекр... – хотела крикнуть «прекрати», но опоздала.

Мужчина прижался горячим ртом к её губам и запечатал возможность говорить пожирающим поцелуем.

– Глеб... – еле выдохнула девушка, когда смогла дышать.

– Тс-sss... Не шуми. Всё хорошо, не бойся, – шепнул он, лаская её, и снова прикрыл губы своими, лишая воздуха и свободы.

Она кое-как высвободила запястья из захвата и судорожно вцепилась в напряжённые мужские плечи, стараясь подтянуться вверх и вырваться из неразъёмных объятий. Беззвучно ахала и вздрагивала от всё более порочных прикосновений.

Всё происходило в тишине, словно обоим стало трудно говорить или же слова были лишними. Только жар, отрывистые вздохи, изредка перемежающиеся с невнятным, срывающимся шёпотом, и неровное дыхание наполнили комнату.

Полина до последнего хваталась за одежду, не позволяя стянуть её, а потом, когда не смогла удержать, стыдливо при-

крыла обнажённое тело руками.

Уверенный до первобытной наглости напор вперемешку с бесстыдными ласками одурманивал. Она ещё недолго и всё слабее трепыхалась, пока разгорячённое естество не стало предательски отзываться на греховные касания. Огонь разбежался по плоти, возбудил женские инстинкты, и...

Сопротивление сошло на нет.

Поддаваясь голодной страсти партнёра, Полина полностью покорилась и несмело ответила на поцелуй. Её руки, следуя заложенному в подсознание древнему рефлексу, сами собой начали ласкать волосы и плечи мужчины.

Тот, словно только и ждал сигнала, скользнул к ремню, щёлкнул пряжкой, сбрасывая мешающие джинсы, и перешёл к пику активных действий.

Девушка вскрикнула, почувствовав резкую боль.

Глеб на секунду приостановился, с недоумением заглянул в глаза и... продолжил ритмичное движение бёдрами.

Она не заснула в эту ночь. Лежала в темноте, опустив веки, потрясённая случившимся. Прислушивалась к ровному дыханию спящего любовника и сладко нежилась в тепле его объятий.

С наслаждением впитывала запах мужского пота, смешанный со странным запахом соития, который недавно спаял их голые тела воедино.

От рук человека, что стал настолько родным, исходила добрая сила и стабильность. Они надёжно укрыли её от внешнего мира, объединяя двоих в одно целое.

Было легко, спокойно и бесконечно хорошо.

Губы сами собой растягивались в глупой и счастливой улыбке. Если бы кто-нибудь две недели назад сказал, что они с Глебом полюбят друг друга и он станет её первым мужчиной, она бы рассмеялась тому в лицо.

Невероятно! Сейчас никого дороже Красавина не существовало на целом свете.

Беспокойной ноткой на заднем фоне зудела мысль о двоюродной сестре. Как Вика воспримет известие об их сближении?

Однако здоровый эгоизм и нежелание уступать своё счастье подсказывали: сейчас та занята новым романом и всюю строит отношения с французом.

Скорее всего, родственница даже обрадуется возможности освободиться от своенравного жениха и в душе будет благодарна Полине за то, что та невольно помогла им расстаться цивилизованно, без претензий и некрасивых сцен. И вообще, нет никаких гарантий, что дальновидная Вика не разработала заранее коварный план и не предвидела такой поворот, когда искушала их совместным отдыхом.

Конечно, всё случилось слишком спонтанно. Полина никогда не предполагала, что сближение может произойти так стремительно. Если уж на то пошло, им изначально нельзя

было сидеть вместе. Сейчас поздно каяться, уже ничего не изменить.

Если вспомнить, их с Глебом с первого дня тянуло друг к другу. Они как родственные души – даже чувствовали и действовали одинаково, словно существовали на одной волне.

В любом случае сестра должна понять и простить. Всё утрясётся, когда они вернутся в Москву. Ведь, положив руку на сердце, надо признать: всё сложилось идеально, по справедливости. Все счастливы.

Тяжёлые, плотные шторы надёжно защищали комнату от лучей южного солнца и сохраняли интимный полумрак. По периметру окна и сквозь щели в небрежно сдвинутых занавесках несмело просочился рассвет, впуская прекрасное будущее. Родился новый день, и он начался счастьем.

Хотелось взлететь на крыльях, подаренных любимым человеком.

Полина, затаив дыхание, с обожанием и нежной улыбкой рассматривала правильные черты избранника. Они всё рельефнее прорисовывались на контрасте утреннего света и теней. На скулах и мужественном подбородке появилась тёмная щетина, она заметно отросла за сутки.

Перевела взгляд на изящные ноздри... Красивые губы. Смущённо вздохнула и покраснела, вспомнив их вкус и то, как они умеют любить.

Глеб слегка пошевелился, забавно всхлипнул, сбиваясь с сонного ритма. Двумя руками прижал девушку к груди, со сладостным стоном зарылся носом в волосах, целуя и глубоко втягивая их аромат.

Полина блаженно зажмурилась.

– Вика... Викушка... Викуля... – жарко шепнули мужские губы.

Полина вздрогнула и закаменела. Щёки обожгло, словно с них содрали кожу.

Объятия Глеба мгновенно стали жёсткими, неудобными, шея затекла за одну секунду.

Красавин открыл глаза и тоже замер. Нервно сглотнул, расцепляя руки. Резко отодвинулся на край, с хмурым испугом рассматривая соседку по постели.

Несколько секунд они разглядывали друг друга, будто увиделись впервые. В глазах царило смятение.

Полина остро ощутила свою наготу и леденящий холод в тех местах, где только что лежали мужские ладони. Откатилась на противоположный край, лихорадочно нашарила покрывало, укуталась до подбородка. Свернулась в тугий калачик, подтягивая колени к груди.

Глава 24. Реальность

Глеб рывком поднялся, метнулся в ванную. Долго дёргал ручку, щёлкал сломавшимся замком и никак не мог затвориться. Бесшумно сидел там целую вечность.

Потом, вперив неподвижный взгляд в пол, стремительно прошёл мимо Полины и, плотно прикрыв дверь, скрылся на балконе.

Донёсся горький запах дыма. До этого утра она ни разу не видела его с сигаретой.

Ей вдруг стало безумно холодно в жарком помещении. Кожа посерела и покрылась противными мурашками. Нервно дрожа, девушка сползла с кровати и, вжав шею в плечи, прокралась в ванную.

Закрылась на кое-как отрегулированную Красавиным щеколду.

Опустив крышку, уселась на край унитаза, укуталась в банное полотенце. Зубы стучали. К глазам подступили слёзы, пудовым грузом повисли на ресницах, скопились в мутные капли и мокрыми кляксами сорвались на колени.

Было до невозможности страшно и обжигающе стыдно находиться в одном помещении с Глебом.

«Пусть уйдёт из номера, тогда выйду», – просочились

мысли сквозь оступляющую боль.

Сердце бухало медленно и гулко, словно билось через силу. Будто собралось добить последние удары и уйти из жизни.

Полина прислонила свинцовую голову к раковине.

Из плохо закрытого крана звучно шмякались капли и, разбиваясь на мелкие брызги, попадали на волосы, холодной пылью леденили плечи.

В комнате, как метроном, ударяли тяжёлые шаги марширующего из угла в угол Красавина.

– Полина, хватит прятаться. Выйди, – требовательный стук не прекратился, пока не выгнал её из убежища.

Боясь лишний раз шевельнуться и поднять глаза, заставила себя разогнуться, открыла дверь. Негнушимися ногами прошаркала в комнату.

Застыла, вцепившись пальцами в спинку кресла. Закусила нижнюю губу, чтобы не выдать, как та трясётся.

Глеб прямой и пасмурный, скрестив руки на груди, стоял возле кровати.

Одеяло было откинута, на белой простыне темнело засохшее бордовое пятно.

Девушка судорожно передёрнулась. Крепко обхватив себя, воткнула подбородок в плечо и отвернулась, пряча полыхающее лицо.

– Полина, – кашлянув, вымученно начал Глеб каким-то пугающе незнакомым голосом: – Прости... Я глубоко сожалею... Перебрал вчера, потерял контроль. В нормальном состоянии не допустил бы этого безумия. Я виноват. Можешь считать меня подонком. Полностью согласен с таким определением.

Но это ничего не меняет. Очень прошу, пусть наша тайна останется между нами. Виктория ничего не должна узнать. Как бы жестоко ни звучало, но я не люблю тебя. Люблю Вику. Предлагаю обсудить условия, на которых ты согласишься забыть этот... э-э-э... инцидент. Из ситуации вижу только один выход: перечислю необходимую сумму, и проведём операцию по восстановлению девственности – гименопластику.

Мелкая дрожь прошла по телу Полины, горло перехватил спазм, не давая вздохнуть. Пространство вокруг будто схлопнулось и пошло трещинами. В груди заворочалось что-то острое и жгучее, разрывающее душу на части. Стало невозможно больно и горько.

Всё перебивал стыд. Даже не перед Глебом, а перед собой. За свою наивность и глупые грёзы, родившиеся этой сумасшедшей ночью.

– Мне ничего не надо, – Полина через усилие разомкнула непослушные губы.

Слова рвались на середине, становясь к концу едва слышными. Она с трудом различала звучащие фразы. И собствен-

ный голос, и голос Глеба гудели глухо и тускло, словно из подземелья.

– Я ничего никому не собираюсь рассказывать. И восстанавливать ничего не буду. Невелика беда.

– Полина, прости меня! – моментально отреагировал он.

Сразу же, буквально на глазах, воскрес и посветлел.

Похоже, после того, как узнал ход её мыслей, к нему вернулось самообладание. Стремительно шагнул вплотную, опустил руки на плечи. Осторожно, словно опасаясь, что она ударит, погладил.

Красавин явно почувствовал облегчение, граничащее с радостью, и ему не терпелось выговориться. Слова стреляли звонко, оптимистично, с живой интонацией.

– Поленька, я ничего не соображал. Ты правда безумно красивая, и меня с невероятной силой тянет к тебе. Если бы знала, как сложно удержаться, когда рядом такая...

Она отчаянно замотала головой, яростно сбрасывая с себя чужие ладони. Закрыла уши и на грани истерики выкрикнула, прерывая словоизлияния:

– Замолчи! Лучше замолчи! Отойди, не касайся меня. Не произноси больше ни слова.

– Всё-всё-всё... Успокойся, – он с заметным испугом отступил. Примиряюще приподнял руки: сдаюсь, делаю потвоему.

Снова нервно вышел на балкон, щёлкнул зажигалкой, через секунду противно потянуло дымом.

Полина потерянно стояла в центре комнаты, не понимая, что делать.

Испачканная простынь, как магнит, издевательски притягивала взгляд.

Девушка рванулась к кровати, содрала свидетельство своего позора. Скомкав, унесла в ванну и с ненавистью намылила.

Глотала слёзы и беззвучно рыдала. Следила, как, окрашиваясь в коричневый цвет, струя воды нехотя смывает подтверждение её непоправимой глупости.

С отвращением бросила мокрую тряпку в душевую кабинку.

«Ничего страшного не произошло. Мне не восемнадцать лет. Я не кисейная барышня, – стиснув зубы, упрямо твердила себе. – С миллионами девчонок такое случается намного раньше. Надо потерпеть. Послезавтра вылет, расстанемся, уеду домой и забуду о своём позоре. Главное, больше не видеть Глеба».

Глеб

Глава 25. Виновник

Красавин снова выглядел понурым. С кислым видом читал сообщения в телефоне. Тёр лоб, задумчиво ероша волосы перед тем, как отправить ответ. С опасением косился на Полину.

Раздражённо двигал плечами и недовольно морщился при вновь поступающем сигнале, будто хотел сбросить что-то мерзкое. Судя по всему, переписка его напрягала.

«С Викой общается, – с брезгливым злорадством догадалась Полина. – Сидит как на иголках. Трусит, что нажалуюсь».

Засветился экран на её сотовом: дядя Саша.

В свою очередь, зло скривилась она: «Этому-то что опять надо?»

Хотя прекрасно понимала, что претензии абсолютно несправедливы, но отчаянно хотелось назначить «хитрозадого» виновным в собственном позоре. Никак не могла отделаться от мысли, что именно он вчера своей не вовремя проявленной заботой запустил роковую цепочку, которая и привела к беде.

С отвращением ткнула в текст, открывая его: «Привет, Полина! Правильно, что согласилась на предложение Викули, тебе надо поправить здоровье. Отдохни хорошо, сил на-

берись. Если что-то приглянулось, то покупай, не стесняйся. Деньги возьми у Глеба. Я его предупредил, позже с ним рассчитаюсь».

Она возмущённо застонала: как все достали с этими деньгами!

– Кто там пишет? Вика? – тревожно прищурился Красавин, целенаправленно заглядывая через плечо.

– Нет! – односложно рыкнула она, переворачивая телефон вниз экраном.

Не хватало, чтобы он совал нос в её переписку. С ненавистью сверкнув глазами, с отвращением процедила:

– Не трясись, не расскажу ничего. Иди лучше в баре посиди. Хлебни побольше успокоительного, небось полегчает. А то гляжу, хвост поджал, весь издёргался. Смотреть противно. Боишься Вики? Это передо мной легко строить из себя героя.

На скулах Глеба заиграли желваки, он резко выпрямился, смерив её высокомерным взглядом. Холодным и чужим – таким, каким смотрел на Полину раньше, ещё до поездки.

– Я не трясусь. Советую выбирать слова, – отчеканил, сдерживая враждебность: – Мне нечего бояться. Если пожелаешь, можешь признаться Виктории. Только взвесь всё хорошо, подумай о её чувствах. Вряд ли она простит такое. Ты потеряешь сестру, но сильно заблуждаешься, если рассчиты-

ваешь приобрести нечто большее.

– Ой-ой-ой. Участливый нашёлся. О невесте вспомнил, забеспокоился. И маленькое уточнение: ты считаешь, я хочу что-то приобрести? Уж не себя ли имеешь в виду? – жёлчно усмехнулась Полина. – Всё, всё! Лучше не открывай рот. Не хочу слышать твой голос и смотреть на тебя омерзительно. Пожалуйста, просто заткнись. Помолчи! – выкрикнула иступлённо, срываясь на визг, видя, что тот собрался разразиться тирадой.

Выскочила из номера, от души хлопнув дверью. Хотелось взорвать мир и саму себя в первую очередь.

Спотыкаясь и тихо поскуливая в прижатый ко рту кулак, побрела по нескончаемому коридору. Сквозь катящиеся слёзы издевательски усмехнулась, вспомнив, как, ликуя, мчалась здесь несколько часов назад.

А сзади летел хохочущий Глеб.

«Дура. Идиотка! Игрища развела. Доигралась».

Спустилась на первый этаж, бесцельно покружила по холлу.

Лишь бы смотреть куда-нибудь и создать видимость осмысленности, вперилась пустым взглядом в информационный стенд, не улавливая ни единого слова, написанного там.

Как сквозь вату донеслись смех, голоса, звуки брякающей

посуды, негромкая музыка. Ноздри тошнотворно наполнил запах пищи.

«Завтрак начался», — с опозданием переключился на внешние раздражители мозг.

Помедлив, неровными шагами взяла курс на ресторан, понимая, что там проще затеряться среди посетителей, чем в таком заторможенном состоянии мозолиться по территории, отыскивая укромное местечко. Которого здесь просто нет, и её жгучее желание наглухо отгородиться от мира невыполнимо.

Доведёнными до автоматизма движениями налила кофе, добавила молоко, бросила кусочек сахара. Окинув людный зал пустым взглядом, отметила самый дальний столик в углу. Направилась туда, сгорбилась, села спиной ко всем.

Больше не хотелось видеть и откликаться на этот праздник жизни, больно диссонирующий с тем, что творилось в душе.

Никак не отреагировала, когда через минуту на стул напротив с хмурым видом опустился Глеб. Без слов придвинул к ней фрукты и её любимые рогалики с шоколадным подливом.

Вынуждено взглянув на тарелку, Полина скрипнула зубами: «Лицемер! Подлизывается, изображает заботу. Следит за мной. Хочет убедиться, что не настучу на него Вике».

Пространство вокруг словно изменилось, придавленное

тяжёлой аурой мужчины. За каким... он подсел к ней? Нервно сглотнув, поёжилась, физически ощущая вибрирующее в воздухе напряжение.

Замучено подняла тяжёлые ресницы, и они с Красавиным сцепились тоскливыми взглядами.

Внутри груди кольнуло и обидно отозвалось: какой же он красивый! Невозможно красивый.

Разлёт бровей, светящиеся глаза, нос с небольшой горбинкой.

Губы... Горячие, безумно ласковые и наглые губы.

Всего два часа назад казалось, что теперь у неё есть полное право любоваться и впитывать каждую черту этого породистого лица. Наслаждаться, чувствуя, как всеми клеточками запоминает, кодируется Глебом, и он становится бесконечно родным.

Ошиблась. Он чужой.

Всё в нём чужое.

Обида плавно и неотвратно перетекла в отчаяние.

Опустила голову, часто заморгала, пряча увлажнившиеся глаза.

Глеб дёрнулся, протянул руку, будто хотел накрыть её ладонь своей, но остановился, отвёл взгляд и нервно потёр колени.

Глава 26. Восвояси

Два следующих дня они почти не общались, но Глеб никуда не отлучался и не оставлял её одну. Как бессменный телохранитель постоянно держался рядом и недремлющим чербером отслеживал каждое действие. Похоже, задался целью ни на минуту не выпустить её из поля зрения.

Полина прекрасно понимала, что он пасёт её вовсе не из-за благородства и опасения за самочувствие, а элементарно боится, что она не сдержится и сгоряча выложит всё Вике.

Других мотивов чересчур радетельному поведению не могло существовать. Правильно?

Полину накрыла апатия. Внутри всё глубже разрасталась стужа, притупляя эмоции, вымораживая душу. Больше не было желания куда-либо идти, шевелиться, видеть людей, и даже необходимость открывать сообщения в мессенджерах утомляла.

Вяло двигала пальцем, тыкая в послание. Чувствовала размытое раздражение от мимимишных открыток, сладких видосиков. Принуждала себя поставить дежурный лайк, чаще всего вообще никак не реагировала на бессодержательные знаки внимания.

Почему бы всем не оставить её в покое?

Только тексты от Вики, разящие неуёмной энергией, прошивали раскалённой иглой и занозой сидели в памяти.

После завтрака, чтобы сутками не находиться в замкнутом пространстве наедине с Красавиным, шла на море и, опустив голову, бродила вдоль линии прибоя, утопая в своих мыслях.

Прохладные волны плескались, переливались утренним солнцем. Ласково лизали ступни, поднимались до щиколоток, отступали и шипящей пеной растворялись между пальцами, словно старались убаюкать и смыть тоску.

Вселенная внутри её деформировалась и покрылась трещинами, а в мире вокруг ничего не изменилось, всё выглядело таким же ликующим, как в первый день.

Глеб тоже теперь не заплывал далеко. В основном, привлекая игривые взгляды женской половины отдыхающих, принимал красивую позу и в коротких шортах возвышался на берегу, пряча глаза за тёмными очками.

Так было удобнее следить за Полиной.

После недолгой прогулки она возвращалась в номер. Забиралась в постель, фоном включала телевизор, апатично смотрела на экран, ожидая одного – окончания проклятого тура.

Красавин на расстоянии пары шагов, как безмолвная тень, вынужденно следовал за ней. Не пытался приблизиться, заговорить или убедить поваляться на пляже. Вообще не проявлял никакой инициативы.

Оба избегали смотреть друг на друга, однако каждым нервом чувствовали любое движение второго.

Вечером накануне отъезда Красавин, с искривившимся в непонятной гримасе лицом, оповестил:

– Завтра летим домой. Будешь что-нибудь покупать на память: сувениры, восточные сладости? Трикотаж, кожу, украшения?

Просканировав Полину едким взглядом, не скрывая сарказма, пояснил:

– Дорогой дядюшка Сандро распорядился не ограничивать тебя в тратах и по первой команде выполнять любой каприз.

Полина сердито дёрнула плечом и промолчала. Очередная издёвка? Разве не понятно, что ей не нужна память об этих кошмарных днях?

Объяснять очевидные вещи особо тупым не посчитала необходимым.

Не дождавшись ответа, Глеб глумливо процедил, всё так же пристально изучая её мимику:

– Щедрый он какой-то по отношению к тебе. Не находишь?

Ах вот оно что! Внутри аж подпрыгнуло ликующее ехидство. Изогнув бровь, Полина с насмешливым вызовом вскинула глаза:

– Ревнуешь?

– Нет. Не ревную, – нервно отрезал тот. Крылья носа на-
пряглись и побелели, обозначились мышцы на скулах.

Ушёл на балкон. Вернулся. Бесцельно покружил по номе-
ру. Пощёлкал каналами телевизора, отбросил пульт.

Зачем-то переставил стаканы на тумбочке, ногтем потёр
какое-то пятно на столешнице. Распахнул шкаф, переворо-
шил вещи. Пнул свой чемодан. Пристукивая ногой, снова
встал у окна.

Устало вздохнув, изрёк более-менее миролюбиво, вопре-
ки очевидному раздражению:

– Хорошо, если не хочешь прогуляться по магазинам, то
схожу один. Хоть фрукты возьму на гостинцы. Или всё-таки
вместе пойдём?

Не дождавшись комментария, ушёл.

Подробности обратного перелёта запомнились плохо. По-
лина уже не боялась высоты и не обращала внимания на тур-
булентность.

Только следила, как невозможно вязко волоклось время.
Минуты издевательски тащились, растягиваясь до бесконеч-
ности. Дробились на секунды и не склеивались в часы.

Весь полёт её обессиливала единственная проблема: бы-
ло до тошноты мучительно сидеть рядом с Красавиным. Их
руки то и дело сталкивались на подлокотнике, на доли се-
кунды даря живое тепло соседа. В ноздри проникал до су-
масшествия знакомый запах, включая запретные воспоми-

нения, которые хотелось выжечь под корень.

Полина зажмурилась и надела на глаза повязку, чтобы не видеть жениха сестры.

Но против воли каждым нервом чувствовала, насколько близко находится его горячее тело.

Никакие преграды не мешали понять, что Глеб повернулся и, пользуясь, что она не смотрит, всю дорогу не сводил с неё взгляда.

Даже сквозь гул двигателей слышала, как он дышит. Как поднимается и опадает грудь, а воздух лёгким дуновением касается её щеки.

Но кто знает, возможно, это происходило только в её воображении, а на самом деле он мирно спал и видел сны о любимой невесте?

Глава 27. Встречающий

Столица встретила серым в разводах тонких туч небом, асфальтом, блестящим от сеющего дождя, водной пылью на коже. Что, как ни странно, порадовало. До оскомины осточертела иноземная жара вместе с безудержным буйством красок. Полина, прикрыв глаза, с наслаждением втянула родной воздух.

Наконец-то пытка закончилась!

Выцепив свой чемодан с багажной ленты, задержалась у табло, покрутила головой, ориентируясь в указателях, и, через плечо бросив бывшему попутчику небрежное «пока», направилась к экспрессам.

– Полина, стой! Ты куда? – властно окликнул её недовольный голос Красавина.

– На метро, потом на вокзал, – не замедляя шаг, сухо отозвалась она.

Внутри всё взбунтовалось: сколько можно? Что значит «стой»? Тур закончен вместе с его уродским покровительством. Долетели до места и адью, с этого момента их дорожки расходятся. Она свободна. Для чего ему информация о её дальнейших передвижениях?

– Никуда не уходи! Дай сюда чемодан, – с диктаторскими интонациями распорядился Глеб. В два прыжка настиг её, не давая опомниться, отобрал багаж. Вскользь пояснил: – Нас

Сандро на парковке ждёт.

Она устало закатила глаза: ну вот, совсем забыла, ещё один командир объявился! Уже на своей территории. Никак от них не отделаться, видимо. Быстрее бы доучиться, найти работу и стать финансово независимой. Похоже, только тогда и закончится гиперопека всех нарисовавшихся родственников.

С трудом проглотив приступ неприязни, нехотя поплелась вслед за Глебом.

Белозубая улыбка отчима Вики сияла, привлекая внимание издалека. Оставляя внутри Полины неуютное чувство растерянности на грани с неловкостью: кажется, она ещё не видела, чтобы неулыбчивый и неэмоциональный до пугающей суровости мужчина когда-нибудь так откровенно радовался.

Самое странное и даже настораживающее – улыбка адресовалась только ей! Понятно, что следовало вежливо ответить ему тем же, но уголки рта будто закаменели, не желая сдвигаться с места.

Дядя, дождавшись их приближения, едва покосился на ядовито прищурившегося Красавина и первым делом восхищённо похвалил племянницу:

– Ух ты, как хорошо загорела! Тебе идёт.

Она чуть заметно кивнула, через силу выдавив нечто, на-

поминающее приветливость. Дядя Саша, притушив улыбку, взглянул обеспокоенно:

– Что-то случилось? Тур не понравился?

– Понравился, – хмуро отозвалась она и отвернулась.

Тот несколько секунд с растерянным лицом созерцал её враждебный затылок и, становясь всё более серьёзным, недоверчиво усмехнулся:

– По виду не скажешь. Настроение невесёлое.

Оторвал погрузневший взор от Полины, с заминкой протянул руку Красавину, который колюче наблюдал за ними. Крепко стиснул ладонь, слегка дёрнул её на себя, дабы встретиться глазами. Несколько секунд испытующе сканировал лицо Глеба.

Судя по тому, как стремительно помрачнел Сандро, он почувствовал что-то неладное.

Заметив зародившееся противостояние и вызывающе скрестившиеся взгляды мужчин, Полина поторопилась буркнуть:

– Ничего не случилось. Высоты боюсь, укачало, тошнит.

– А-а... – расслабился дядя.

Ещё раз с сомнением зыркнув на её напряжённого спутника, забыл про него и добродушно успокоил, подхватывая чемодан:

– Это нормально, девочка. Такое бывает с дороги. Отдох-

нёшь, и всё пройдет. Сейчас поедem к нам. Анечка тебя ждёт. Вкусняшек разных наготовила, даже тортик испекла! – хотнуv, подчеркнул он по-детски счастливым голосом, который вмиг сделал его беззащитным и казался несвойственным такому габаритному мужчине. – Поживи пару дней у нас. А в субботу увезу тебя на машине, заодно продукты заброшу.

– Нет. Я сразу домой поеду.

– Стоп! Так нельзя, Полина. Не обижай нас. Анюта мечтает встретиться, и я рад тебя видеть. Места в квартире много, выделим отдельную комнату. Вика вечером придет, поболтаете.

Взгляд Глеба метнулся, сверкнув треvогой.

Полина измученно вздохнула. Хотелось поскорее остаться одной. Спрятаться от всего мира в своей старенькой квартире, забраться с головой под одеяло и забыть про всё.

А уж встречаться с сестрой, которая, не зная того, оказалась её удачливой соперницей, не хотелось до отчаяния. Разве хватит сил вынести эту пытку? Не владела Полина умением прятать эмоции. Умная Вика может обо всём догадаться после пары первых вопросов.

Тем не менее, помедлив, кивнула:

– Хорошо.

Любопытство никуда не делось, оно явно было сильнее ревности и желания оказаться дома. Интересно, на какой стадии находится любовь двоюродной сестры с французом?

– Сандро, меня до метро подбросишь? Дальше сам доберусь, – вклинился Глеб.

– Угу, конечно, – повеселевший дядя открыл багажник. – Закидывай вещи. Вечером с Викулей вдвоём заскочите?

– Н-нет... Она одна приедет, – с заминкой отозвался Кравин. – У меня дел не впрокорот. Позже подъеду на машине, заберу Викторию. К вам подниматься не буду, сразу покатым к ней.

– Ха-ха-ха! Торопишься? Соскучился? Впереди – страстная ночь? – понимающе подмигнул дядя Саша.

– Э-э-э... Да, – смешался собеседник.

От зоркого взора Сандро не укрылся растерянный взгляд, исподлобья брошенный им на Полину. Та вспыхнула и резко уткнулась в окно.

Дядя захлопнул дверь автомобиля и, прищурившись, более внимательно посмотрел на обоих.

С его радостного лица сползла улыбка. Он потемнел, руки до побеления костяшек на пальцах сжали руль.

Несколько секунд мужчина молчал, обессиленно навалившись на спинку сидения, словно внутри надломился стержень. Затем нервно помассировал переносицу, вытер вспотевший лоб и, кашлянув, глухо скомандовал:

– Ремни пристегните. Поехали.

Глава 28. В гостях

Тётя Аня действительно ждала их.

Сначала бросила тревожный взгляд на мужа, потом перевела на племянницу, и её глаза широко распахнулись, демонстрируя радость.

Полина, забыв обо всём, привычно залюбовалась изящной родственницей. С тех пор как помнила себя, восхищалась ею до экстаза. Тётя даже сейчас, в сорок четыре года, умудрялась выглядеть настолько свежей и грациозной, что ей невозможно было дать больше тридцати пяти.

В ней всё было идеальным – начиная от тихого певучего голоса до кончиков тонких пальцев со свежим маникюром. Стильно подстриженные волосы, уложенные в нарочито небрежную причёску, профессиональный макияж, ухоженная кожа – каждая мелочь в облике свидетельствовала, что женщина тщательно следит за собой.

Брючный костюм нежного бирюзового оттенка струился по изгибам стройной фигуры, добавляя ей шарма и выгодно подчёркивая глубину прозрачных глаз.

У Полины они тоже были зелёными, но значительно темнее – насыщенного оливкового цвета. Девушке казалось, что они блёкнут в сравнении с тётиными.

Напомаженные губы родственницы раздвинула приветли-

вая улыбка.

Она защebetала, аккуратно прижалась к девушке щекой, тихо чмокнула воздух – это вышло так мило, по-светски, прямо как в сериалах.

Полина по неопытности тоже потянулась со встречным поцелуем, совсем по-крестьянски ткнулась ртом в скулу тёти, но, встретив бесконтактное приветствие, сконфузилась из-за своей неотёсанности.

Женщина, скосив глаза на племянницу, иронично вскинула брови и на секунду замерла. Терпеливо вздохнув, улыбнулась и проворковала с утроенным добродушием:

– Проходи, деточка, не стесняйся. Ты же впервые у нас. Вот тапочки. Туалет и ванна там, умойся с дороги.

Сморщив носик, с мелькнувшей брезгливостью осторожно бросила взгляд в зеркало и, улучшив секунду, думая, что Полина не видит, влажной салфеткой тщательно протёрла щёку. Девушка покраснела и уставилась в пол.

– Аня, покажи Полине её комнату, – негромко обронил дядя Саша, скрываясь в глубине квартиры.

Тётушка снова на секунду застыла, будто что-то вспоминая, и рассыпалась в учтивости:

– Да-да, Сашенька. Конечно.

«Моя комната? – грустно улыбнулась Полина, проводив дядю удручённым взглядом. – Хорошо, так даже лучше.

Пусть будет отдельный уголок, раз уж придётся ночевать у них».

Внутри шевельнулось какое-то кощунственное своей ненормальностью сожаление – зачем он оставил их наедине? Оказывается, с ним она чувствовала себя значительно комфортнее, чем с родной тётёй.

С запоздалым скептицизмом вспомнились слова Сандро о том, что она серьёзно больна, хотя цветущий вид его жены, казалось, говорил об обратном.

Комната чем-то напомнила хоромы Виктории. Она оказалась небольшой, удобной, оснащенной новой техникой, оформленной в современном стиле. Но присутствовала в ней некая бездушность, стандартная безликасть, словно у гостиничного номера.

«Скорей бы домой. Как же надоело мотаться по чужим метрам и пользоваться чужими... вещами. Пусть всё будет плохоньким, но своим. Ненавижу зависимость», – печально вздохнула Полина, с неохотой переодеваясь в домашний костюм, который выделила любезная тётя Аня.

Постояла у окна, с тоской смотря в ту сторону, где её ждали родные стены, словно их можно было увидеть отсюда.

Послушно прошла в кухню, когда пригласили.

Стол уже стоял сервированным на троих, родственница хлопотала у плиты, накладывая еду в тарелки. Пахло чем-то

тёплым и дразняще вкусным.

– Са-а-аша! – крикнула женщина в коридор. – Мы тебя ждём.

– Я не буду обедать, – мгновенно донёсся категоричный ответ.

– Разве ты не посидишь с нами? – удивилась она, растерянно всплеснув руками.

– Нет. Общайтесь без меня.

Тётя Аня захлопала ресницами и с огорчённым видом опустила на стул:

– Как же так? Готовился, будто к празднику. Встал ни свет ни заря, колдовал на кухне. С вечера мясо замариновал, запёк его каким-то мудрёным способом. Мне покоя не давал, заставил приготовить свой любимый торт. Весь интернет обшарил, но всё-таки разыскал рецепт. Я уже сто лет его не готовила, забыла, как делают, полдня с ним провозилась. А теперь, пожалуйста, отказался даже чаю с нами выпить. Закрылся в кабинете, – перевела вопросительный взгляд на Полину. – Что-то случилось? Ты ничего не заметила?

– Не знаю. Вроде весёлый был всю дорогу, – равнодушно отозвалась та, смутно припоминая поведение родственника.

Сначала он смеялся, это точно. В каком настроении находился потом, внимания не обратила. В нормальном, кажется. Молчал, рулил. Не улыбался. Ехали в тишине.

Может, действительно что-то произошло? Вроде бы никто

ему не звонил, следовательно, никаких новостей не получал. Ни с ней, ни с Глебом не общался.

«И вообще, откуда мне знать, кто или что его расстроило? – немного возмутилась про себя. – Никогда не приглядываюсь к дядьке. А уж тем более сейчас ни капли не волнуют меня чужие печали. В своих бы проблемах разобраться».

Она и дышать-то начала более-менее свободно, только после того, как Красавин исчез с горизонта.

– Странно, – тётя Аня, рассеянно елозя вилкой и ножом по мясу, задумчиво уставилась в тарелку. Спohватилась, нацепила искусную улыбку: – Ой, ну что же ты сидишь, деточка? Угощайся. Расскажи, какие впечатления, как отдохнула. Понравилось?

– Угу, – коротко кивнула Полина, чувствуя, что родственница спрашивает из приличия, а на самом деле подробности поездки ей нисколько не интересны.

Действительно, такой немногословный ответ её вполне удовлетворил. Через минуту, что-то вспомнив, та подскочила с неподдельной тревогой на лице:

– Ой, извини, дорогая! Совсем забыла, мне надо позвонить, – пугливо оглянулась на дверь и, понизив голос, пояснила: – Я уйду в свою комнату. Ты кушай, милая, не стесняйся.

Глава 29. Лицедейство

День проволокся невнятно. Тётя периодически вспоминала о племяннице, заглядывала в комнату, показательно беспокоясь, дабы та не скучала. Вежливо зазывала в гостиную.

Полина не менее вежливо отнекивалась, ссылаясь на акклиматизацию и усталость после перелёта, предпочитая в полудрёме прятаться под пледом на удобной кровати.

Корректная родственница сочувственно шелестела:
— Отдыхай, деточка, — и исчезала, не настаивая.

Дядя почти не покидал свой кабинет.

Если же они пересекались где-нибудь в лабиринтах квартиры, то его внешний вид не располагал к общению. Мужчина натужно улыбался, давая понять, что рад видеть Полину, и, не задерживаясь, проходил мимо. Его глаза не теплели.

Очевидно, что он находится в крайне угнетённом настроении и не был расположен к разговорам. Контраст между тем, каким встретил их в аэропорту, и нынешним состоянием резал взгляд.

Видимо, у него действительно произошло что-то серьёзное.

Зачем при таком раскладе родственники настояли, чтобы она погостила у них, девушка не понимала. У себя дома ей было бы намного лучше.

Вечером в приунывшую квартиру ворвались свет и жизнь — наконец-то появилась шумная, энергичная Вика.

Коротко салютовав матери и двоюродной сестре, с порога прошмыгнула к отчиму.

Дверь за собой не прикрыла. Судя по происходящему, специально.

Её жизнерадостный голос звучал так звонко и озорно, будто она разыгрывала забавное представление, привычно рассчитывая на поддержку зрителей и аплодисменты зала.

Скучавшая до этого тётушка заулыбалась. Навострив уши, убавила телевизор и на цыпочках прокралась в коридор.

Полина тоже невольно прислушалась.

Скоро стало понятно: Виктория уговаривает отчима выделить денег на какую-то дорогую покупку.

Она упрашивала его настолько легко и по-приятельски, что становилось ясно: избалованная девушка ни секунды не сомневается в положительном ответе.

Полина с тихой грустью позавидовала умению сестры преподносить просьбы настолько непринуждённо.

Лично ей бабушка с детства прививала чувство вины, клеймила позором и строго наказывала, если она что-нибудь клянчила. Пенсионерка так преуспела в бичевании сего унижительного порока, что до сих пор даже мысль обратиться к кому-нибудь за помощью вызывала у Полины панику и чув-

СТВО СТЫДА.

Больше всего удивила реакция дяди Саши. Тот охал, добродушно посмеивался, вяло отбрыкивался от уговоров, журил Вику. Но отказывался не по-настоящему, это отлично чувствовалось. Неказистая, по меркам гостыи, сцена забавляла и женскую часть семьи, и дядю. Вся весёлая троица охотно включилась в понятную только им игру, которая двигалась по отработанному шаблону, доставляя явное удовольствие её участникам.

Судя по тому, что минут через пятнадцать падчерица с торжествующим видом покинула кабинет, отчим сдался.

Вслед донеслись его слова:

– Ох и лиса! Быстрее бы вас замуж выдать, пусть вас мужья финансируют.

Вика и тётя заговорщически переглянулись, хихикнули.

– Мы в ответе за тех, кого приручили, – парировала хохочущая Виктория.

– Вот-вот, прикормил вас, на шею посадил, – беззлобно проворчал Сандро.

«Да уж... Милая семейная идиллия», – растерянno улыбнулась Полина.

Как-то плохо увязывались попрошайнические действия сестры с её же высокомерными словами о захребетниках. Вика себя к таковым не относила?

Обидно кольнуло пожелание дяди «быстрее бы вас замуж выдать». Почему во множественном числе? Он ведь Полину подразумевал? При чём тут она? Мог бы и не брать под опеку, сам инициативу проявил. Она ни на что не рассчитывала, без посторонних бы справилась.

По-турецки скрестив ноги, Виктория уселась на широкую кровать, когда сёстры уединились в так называемой комнате Полины.

Распорядилась:

– Рассказывай.

– Так... Не знаю, что сказать. Нормально всё. Мне понравилось, – смутилась путешественница.

– А чего вид невесёлый? Что-то случилось?

– Нет... Говорю же: всё прекрасно. Спасибо тебе, – Полина скривилась в улыбку и распахнула глаза шире, дабы выглядеть убедительно. – Просто страшно устала после перелёта. Ночь не спала. Домой хочу.

– А-а... Понятно, – сразу поверила Вика.

Её волновало не столько самочувствие сестры, сколько вопросы, касающиеся личных интересов.

– Тогда пару слов задам и пойду с мамулей поболтаю. Как Глеб вёл себя? Ни за кем не ухлёстывал? Один ходил куда-нибудь? Ночевал в номере?

– Нет-нет... Что ты! Мы постоянно были вместе. Не сомневайся, видно, что любит только тебя и никто ему больше

не нужен, – мазохистски успокоила её Полина, ощущая, как душа переворачивается от правдивых слов.

Несмело поинтересовалась:

– А у тебя как дела? С этим... С французом, – во рту пересохло. Сердце стукнуло и остановилось в ожидании судьбоносного ответа.

– Фи... Бесперспективно, – кузина презрительно скривилась. – Жмот и тошнотик до невозможности. Неделя улётного секса и свалил в своё забугорье. Радуюсь, что отшила его вовремя. Зато теперь окончательно успокоилась. Точно знаю: лучше моего Красавина нет никого. Больше тянуть не будем, подадим заявление и осенью распишемся.

Отвлеклась на телефон, хохотнула:

– Лёгок на помине, звонит.

В трубку:

– Привет, милый! Угу... И я тебя... Да, я у мамы. Ты где? У подъезда? Почему не поднимаешься? Ха-ха-ха... Так соскучился? Невтерпёж? Что-что привёз? О! Постельное бельё чёрного цвета... Шёлковые простыни... Предлагаешь срочно обновить? Ммм... Ненасытный какой... Хорошо-хорошо... Да-да-да, до утра марафон устроим. Ой, Глеб, подожди секунду...

Обращаясь к Полине:

– Тебе плохо? Что-то так побледнела. Аж покачнулась. И правда, устала.

Снова в трубку:

– Мы с Полинкой как раз о тебе говорили. Да. Рядом. Конечно, слышала. Ой, да ладно тебе, что такого? Не заводись, Глеб! Она ведь не ребёнок, догадывается, чем мы занимаемся. Всё-всё-всё, прекращай! Какая муха тебя укусила? Я выхожу, дома обсудим.

Нажав на отбой, обиженно проворчала:

– Чего опять взбесился? Побегу я. Пока, сестрёнка, отдыхай.

С озабоченным видом выскользнула из комнаты.

Полина рухнула на подушку:

– Ур-р-род! Ненавижу!

Глава 30. Утро

Сон не шёл. Из окна спальни в пересохшие от бессонницы глаза нагло светила луна, пронзая светом до самого затылка.

Полина лежала пластом, встать, чтобы задвинуть шторы, не хватало сил, а может, желания. Шевелиться не хотелось от слова «совсем».

Голова и веки ворочались с трудом, подчинялись через напряжение, казались неподъёмными, будто в них залили свинец.

Она отчаянно молилась, мечтая выскоблить мысли, выключить память, а главное — воображение, которое садистски подкидывало картинки, как в эти самые минуты где-то там, в красивой московской квартире двое занимаются любовью.

Страстно, изобретательно, ненасытно...

Уйти в спасительное забытие, как ни старалась, так и не получилось.

В шесть утра в одной из комнат назойливо засигналил будильник. Через минуту слышались твёрдые шаги, просочился приятный запах геля и шум воды из душа. На кухне хлопнула дверца микроволновки, негромко загудела кофемашина — дядя собирался на работу.

Подождав, когда он уйдёт и защёлкнется входная дверь,

Полина тоже поднялась. Отчаянно, до слёз, до невозможности терпеть ни минуты, тянуло домой.

Решила: «Сбегу тихонько, потом позвоню тёте Ане или напишу, что уехала».

Наскоро умылась, натянула джинсы с футболкой, застелила кровать и, вытянув раздвижную ручку на всю длину, покатила нераспакованный чемодан в прихожую. Морщилась и отворачивалась от зигзагов на багажной упаковке, оставленных Глебом. Они цепляли память и больно мозолили глаза.

Потоптавшись у двери, поняла, что просто так из квартиры не выбраться. Вздохнув, отправилась в ту комнату, откуда вышел дядя, но в ней было пусто. Потыкавшись в несколько дверей, всё-таки нашла тётю Аню. Она спала.

В сознании зафиксировалось, вызвав мимолётный всплеск удивления, что у них с мужем почему-то отдельные спальни. Спальня тёти находилась не в той стороне, где сработал будильник.

«Придётся ждать пробуждения, неудобно беспокоить», — расстроилась Полина.

Неприкаянно покружив по комнатам, встала у окна, наблюдая, как уверенно разгоняется пульс большого города, наполняясь звуками, машинами, людьми. Светлеет небо, меняются запахи, теплеет воздух.

Удручённо побрела к себе. Прямо в одежде плюхнулась поверх покрывала и свернулась в калачик. Прижалась к подушке, успевшей приятно остыть после бессонной ночи. За-

крыла тяжёлые глаза и неожиданно провалилась в дрему. Уход от реальности был коротким и чутким, но этого хватило: удалось охладить мозг и освободиться от кипящих мыслей, которые, казалось, уже разъели внутренность черепа.

Её подняла бодрая музыка, звонко разлетающаяся по квартире.

Полина невольно улыбнулась, обнаружив тётушку. Та, распахнув балконные двери, самозабвенно выполняла гимнастические упражнения, приговаривая в такт: «Раз, два, три! Раз, два, три!»

Утренний ветерок полоскал лёгкие шторы, напитывая помещение воздухом. Шумы с улицы смешивались с квартирными, создавая атмосферу причастности к внешнему миру. Солнечные зайчики, отскакивая от стеклянных створок, рассыпались по стенам.

Энергетический поток хлынул в Полину, родив пока ещё непрочное осознание: жизнь не кончилась, она существует и продолжается, несмотря на катаклизмы, прокатившиеся внутри души.

– Тётя Аня, спасибо за гостеприимство. Я поеду домой, – кашлянув и предварительно постучав в косяк, оповестила она родственницу.

В лице той мелькнул испуг, брови печально поднялись. Отключив звук, тётушка засуетилась:

– Нет-нет, Полечка. Без разрешения Саши я тебя никуда

не отпускаю. Договаривайся с ним. Деточка, разве тебе плохо у нас? Не торопись. Пойдём на кухню, завтрак разогреем, покушаем. Чаю выпьем. Потом прогуляемся вместе. У нас возле дома парк красивый. Есть пруд, мостик, уточки плавают. Даже лебеди прилетают. Подожди до завтра, у Саши будет выходной, отвезёт на машине. Ему всё равно надо к тебе ехать. Он уже и продуктами закупился, как раз собирался отвезти их.

Полина нехотя согласилась. Созваниваться, спорить и переубеждать дядю не было желания. Действительно, несмотря на жгучую ностальгию, при таком раскладе разумнее перетерпеть ещё один день, а завтра отправиться вместе.

В настроении после разговора с тётей Аней окреп небольшой подъём.

До этого в Полине томились неловкость и смутное беспокойство от предстоящей поездки с Сандро. До спазм не хотелось оставаться наедине с ним.

Однако внятно объяснить даже самой себе, что именно тревожит, не смогла бы.

Головой понимала, что мужчина всей душой переживает за неё, никогда не обидит, в любую минуту готов прийти на помощь, а при необходимости ринется на защиту.

Он никогда не скрывал свою симпатию, не видя в ней ничего предосудительного. Вёл себя ровно, доброжелательно, без навязчивости.

Однако во взгляде «хитрозадого» ей всегда чудился какой-то грустный вопрос и ожидание.

Возможно, это только мерещилось и было возвращённой с детства фантазией, основанной на том, что остальные её просто не замечали? Такая невидимость казалась нормой, состояние ощущалось стабильным и безопасным.

Поэтому на подкорке усвоила, что по-другому смотрят лишь двуличные люди, замыслившие что-то коварное.

Полина вела бы себя увереннее, если бы могла компенсировать опеку чем-то материальным: помощью, вещами или как-то отработать, чтобы не чувствовать себя должницей.

Ну или на крайний случай отплатить искренней благодарностью. Можно было бы притвориться и изобразить сердечность, но у неё не получалось. Она не умела фальшивить.

Дядя всегда рождал непонятную тревогу, происхождение которой девушка до конца не понимала.

Много раз, приходя в раздражение от собственной робости, анализировала загадочное состояние и недоумевала: вот всё же хорошо!

Но отчего-то пугалась любого намёка на приязнь к тётиному мужу и на уровне инстинкта блокировала каждый росток проявления ответной симпатии.

Теперь из слов родственницы следовал ободряющий вывод, что секрета из поездок к ней никто не делал.

Сей факт успокоил, развеяв неприятные подозрения и

страх, что у них с дядей существует тайна, которая могла привести к довольно скользкой ситуации.

Получается, не с этим родственником надо было бдительность проявлять.

– Полиночка, мы с Сашей обсуждали, он готов тебя устроить в свою фирму, как только получишь диплом. Вряд ли ты найдёшь хорошую работу в своём городе. О жилье не беспокойся, пока не встанешь на ноги, можно пожить у нас, места много, – за чаем убеждала её радушная тётушка.

– Спасибо большое! Буду иметь в виду, – не развивая тему, вежливо поблагодарила племянница.

Но про себя решила, что, как бы заманчиво ни звучало предложение, не воспользуется им. Будет держаться подальше от всех родственников, чтобы никогда не пересечься с Глебом.

Тётя Аня

Глава 31. Дома

На следующий день отправились в путь.

Мелькали дорожные указатели, остановки, поля, леса, дома. Погода окончательно наладилась. Следов от дождей не осталось, лишь кое-где по обочинам белёсыми кругами напоминали о недавнем ненастье полувысохшие лужи. Лето вернулось в свои законные права, щедро даря тепло, аромат травы, зрелых ягод, цветов и потемневшей листвы. Пусть всё было намного скромнее, чем забугорное, но такое родное.

Сандро сосредоточенно следил за оживлённой трассой. По ощущениям, Москва всем составом собралась провести субботу на природе. Сквозь зубы шипел ругательства, время от времени эмоционально взрывался и тут же, прикусывая язык, обеспокоенно косился на Полину.

Она дремала.

Ей постоянно хотелось спать. Но когда наступала ночь, вместе с темнотой приходила чумная бессонница, не давая провалиться в целительное забытьё. Если же чудом удавалось расслабиться и растворить реальность, какая-нибудь поганая мысль всё равно пробивалась, раскалённой иглой пронзала голову, и сон исчезал до рассвета.

Дорога убаюкала. Предвкушение скорого возвращения ослабило пружину внутри, наполнило спокойствием и уве-

ренностью – проблемы остались в чужом городе, стоит только перешагнуть порог, и всё встанет на свои места.

Родные стены не предадут. Они спасут от злключений, вернут равновесие, и мерзкий кошмар, в который она вляпалась, позарившись на дармовщину, исчезнет.

Всё будет хорошо.

Не последнюю роль играл плавный ход автомобиля, приятная музыка и, как ни странно, надёжное соседство Сандро.

Она спала так безмятежно, что пробудилась лишь на подъезде к дому.

Сонно хлопая ресницами, улыбнулась в ответ на добрый, с лёгкой грустинкой взгляд родственника. Удивлённо крутя головой, всматривалась в здания за окном и не сразу поверила:

– Дядя Саша, мы что, уже почти приехали? Так быстро...

Тот резко повернул голову и, забыв о дороге, уставился на племянницу ошеломлённым взглядом.

Та непонимающе ждала: что-то не то сделала? Сказала? Внешний вид не в порядке?

Потянулась к переднему зеркалу, чтобы посмотреть на себя. Взгляд скользнул на шоссе, и девушка всполошилась:

– Ой-ой, мы не туда свернули.

Дядя, тихо чертыхнувшись, притормозил. Включив заднюю передачу, вернулся к нужному повороту. На лице по-

явилось сосредоточенное выражение, он о чём-то глубоко задумался. Судя по хмурой складке между бровей, мысли были невесёлыми.

Полина, недоумевая, осторожно косилась на него, гадала о внезапной перемене в настроении, но не рисковала задавать вопросы.

Не дожидаясь родственника, который замешкался, паркуя громоздкую машину во дворе дома, счастливой птицей взлетела по лестнице, открыла дверь с таким священным трепетом, будто отсутствовала сто лет и, наконец, вернулась в доброе, стабильное прошлое, где её очень ждали.

Никого не было. Никто не ждал Полину.

Полумрак, тишина, спёртый воздух с горьковатым запахом старого строения, лежалых вещей и беспросветной скуки.

А ещё почему-то в квартире скопилось невозможно много полчищ пауков и их отвратительной паутины. Липкие сети были везде, начиная от входной двери. Они висели в углах, под подоконниками, между ножками стола, на батареях, шкафах и картинах.

Будто за полмесяца эти жуткие твари созвали в забытое людьми помещение всех сородичей из окрестностей и именно здесь создали центр цивилизации членистоногих.

Пока, взвизгивая и дрожа от омерзения, Полина яростно орудовала веником, сметая непрошенных постояльцев и уничтожая следы их жизнедеятельности, Сандро, посмеиваясь над развернувшимся сражением, выгружал продукты.

Закончив курсировать во двор и обратно, захлопнул дверь. Перенёс коробки на кухню.

По-хозяйски обошёл комнаты, ванну, туалет. Проверил, работает ли техника и выключатели. Контролируя функционирование, подёргал ручки в квартире. Открыл настежь окна, раздвинул тюль и шторы, впуская свежий воздух. Покрутил краны и, не найдя никаких дефектов, успокоился.

Скрылся в кухне. Слышно было, как поставил кастрюлю с водой на газ, включил чайник, закинул в кипяток пельмени.

Окликнул:

– Полин, хватит воевать. Давай перекусим, да я домой поеду.

– Уже? Так быстро? – почему-то расстроилась она.

Её охватили противоречивые чувства: ведь сама до жжения в груди рвалась домой, мечтая остаться в привычном одиночестве, а теперь, когда дядя собрался уехать, вдруг почувствовала обидную пустоту.

С кислым видом плюхнулась за стол. Не отрывая глаз от тарелки, макнула в уксус и вяло задвигала челюстями, пережёвывая горячие пельмени. Они были поразительно невкусными, хоть Сандро и расхваливал их: мол, ручная лепка, мя-

со высшего сорта.

На её взгляд, ничего особенного, если только с голодухи разочек поесть, не больше. Но огорчать дядюшку не стала.

Тот с аппетитом поглощал дымящиеся комочки и опять о чём-то думал.

– Дядя Саша, может, хотя бы немного отдохнёте, а потом поедете? – предложила Полина, вспомнив, что не успела проявить гостеприимство, всецело отдавшись уничтожению пауков.

Сжала под столом пальцы в тугие кулаки. Она на самом деле отчаянно хотела, чтобы родственник задержался.

Тот вдруг сморщился, как от зубной боли, досадливо цокнув, замялся:

– Спасибо. Но мне ещё в одно место надо заскочить, поэтому поеду.

Уже на выходе, держась за ручку двери, притормозил, исподлобья взглянул на Полину, тут же отвёл глаза. Явно не решался что-то сказать.

Что?

Глубоко вздохнув, всё же пробасил:

– Полин. Неудобно просить, но, пожалуйста... э-э-э... Не называй меня «дядя Саша». Понимаю, что по твоим мер-

кам я почти старик. И ты с детства привыкла к такому обращению. Но мне всего тридцать пять. И когда так окликает взрослая девушка, не по себе становится.

Полина покраснела:

– А как вас называть?

– Называй как все: Сандро. Буду рад, если перейдёшь на «ты».

– Хорошо, буду переучиваться. Извините меня.

– Это мне надо просить прощения, совсем смутил тебя. Но, правда, очень неловко себя чувствую. Раньше как-то не замечал, что ты меня «дядей» зовёшь. По-моему, ты никак меня не называла. А сегодня аж нехорошо стало, чуть руль не выпустил, когда первый раз услышал. Договорились?

Кивнула с виноватой улыбкой.

Он задумчиво потёр подбородок, будто сомневался в уместности следующего вопроса. Потом резко сменил просительный вид на серьёзный и, становясь всё более суровым, произнёс с нажимом:

– Ещё одно уточнение: Глеб точно тебя не обидел?

Она что было силы замотала головой. Сандро нахмурился:

– Хорошо, – протянул недоверчиво, пристально изучая её напряжённую мимику. – Обращайся, если что: звони, пиши. Не надо стесняться. Я тебе не враг. Тоже рос без родителей,

бабушка воспитывала. Поэтому представляю, каково тебе.
Уехал.

Глава 32. Гость

Через две недели на сотовый нагрязнуло сообщение от Красавина: «Привет. Как дела? Завтра заеду к тебе».

Во рту пересохло, и даже воздух вокруг исчез.

Она схватилась за стол, едва держась на подкосившихся ногах. Каменея в ожившем аду, ощущая, как кровь остывает и превращается в лёд.

Что?! Заедет? Нет! Нельзя! Она только начала успокаиваться.

«Зачем?» – пальцы тряслись, не попадая по буквам, пока печатала текст.

«Надо поговорить».

«А мне не надо! Меня не будет дома», – она лихорадочно придумывала причину, чтобы избежать встречи.

Ничего не пришло в ошалевшую голову, отправила как есть.

С чего должна что-то изобретать? Не хочу и всё тут, он обязан считаться с её мнением.

«Не дури, Полина. Я предупредил. Давай без фокусов. Поговорим, решим проблемы, и тема будет закрыта. Всё, до завтра».

Словно наяву услышала недовольный рык, воочию представился грозно вскинутый подбородок, и холод рассыпал-

ся по телу. До конца дней не вычеркнуть из памяти, какими свирепыми становятся глаза Глеба и железной хватка, если ему перечить.

Невольно потёрла занывшие запястья.

Бессильно опустила телефон на стол. Преодолевая отчаянный стук в груди, криво улыбнулась дрожащими губами.

Зачем чужой жених её тревожит?

Перевела затуманенный слезами взгляд на чемодан, который, намертво укутанный старым пледом, всё ещё сиротливо жался в углу.

До сих пор не хватало мужества убрать его в кладовку. Для этого пришлось бы к нему прикасаться. Потом долго возиться, переставлять коробки, узлы, освобождая место. И он всё время маячил бы перед глазами.

Столько движений и ворошения ненужных воспоминаний! Не факт, что не вернулась бы проклятая бессонница. Нет уж... Пусть покоится под толстой тряпкой.

Около часа стояла у окна, невидяще скользя взглядом по полусонному двору, размышляя, как отказаться от встречи. То приходила мысль сбежать из дома на целый день, то хотела остаться, но сидеть тихо как мышка, будто в квартире никого нет.

Зачем ей испытание на грани стресса в виде лицезрения Красавина?

Несколько раз набирала текст с отказом. Что он там пи-

шет – проблемы? Полина не без злорадства хмыкнула: лично у неё нет проблем, а если они появились у него, то каким образом это касается её?

Потом решила, пусть приедет. Действительно, лучше расставить все точки и навсегда закрыть вопрос.

А ещё на самом деле, несмотря на жуткую панику, обиду и неприязнь, было дико интересно, что у него случилось, о чём хочет поговорить?

Нельзя исключить и самый паршивый вариант: кто знает, вдруг заразу у себя какую-нибудь обнаружил и теперь ей тоже следует провериться у соответствующего специалиста?

– Привет, – Глеб, надменный и благоухающий, с идеально очерченной линией чуть отросшей бородки, придающей ему потрясающую брутальность, степенно перешагнул порог квартиры.

Впрочем, он всегда выглядел с иголочки. И сегодня уж точно не ради Полины начистил перья.

Остановился, с небрежным любопытством рассматривая жильё.

Знакомый запах дорогого парфюма заполнил шокированно притихшее помещение, ворвался в лёгкие Полины и мучительным шквалом всколыхнул загнанные на задворки памяти воспоминания.

Сердце бешеными ударами заколотило по рёбрам.

Эталон процветания и истинного благополучия – Красавин – чужеродным телом смотрелся в увядающих стенах старого дома.

Пробежав взглядом по дешёвым шторам, громоздкой полированной стенке, занимающей половину комнаты, аляповатому ковру возле дивана, визитёр даже не попытался скрыть кислую гримасу.

Его Высочеству претила столь простолюдинская обстановка.

– Мало что изменилось с января. Дверь хорошая, а внутри всё так же.

Полина вспыхнула:

– Ты приехал критиковать?

– Зачем? Нет, критиковать не собирался, – нагло усмехнулся Глеб. – Просто думал, Сандро тут уже всю развернулся: ремонт забабахал, новую мебель, технику купил. Уж больно на словах он за тебя радуется. Оказывается, не очень-то старается твой благодетель. Да, Поль? – с непонятной жёлчью повернулся к ней.

Полина тихо закипела: почему он каждый раз привязывается к дяде? Специально отыскивает, как бы того охаять. Можно подумать, что действительно ревнует.

На минуту незванный гость прилип к ней тяжёлым, тягу-

чим взглядом. Едва уловимо вздохнул:

– Чаю нальёшь? Я рогалики твои любимые купил, шоколад, конфеты.

Она без слов развернулась, прошла на кухню, включила газ. Крепко обхватив свои плечи, встала у стены.

– Как себя чувствуешь? – подтянув табурет между ног, Красавин уселся напротив и в упор уставился своими странными глазами.

Полина, не выдержав гипнотических ощущений, отвернула лицо и раздражённо фыркнула: с каких пор он беспокоится о её здоровье? Вроде бы она ещё не немощная старушка, ни на что не жаловалась. И находится не в том почтенном возрасте, когда из уважения принято спрашивать о болезнях.

Отрезала:

– Обыкновенно.

– Это хорошо, – он нервно побарабанил пальцами по столу и выпрямил спину. – Месячные были?

Глава 33. Тесты

Её передёрнуло. О чём он? Какое ему дело? Думает, она начнёт обсуждать свой нерегулярный цикл с посторонним человеком?

Язвительно скривилась:

– Ты в доктора записался?

Глеб внезапно поднялся, сделал бросок и стиснул её плечи так жёстко, что Полина испугалась. В его глазах сверкнул мрак:

– Оставь этот тон, Поперечная. Ты меня знаешь. Сегодня я спешу, у меня на тебя отведено не больше часа. Я не настроен на шутки и не намерен вступать в перепалку. Жду ответ на вопрос.

Она подвигала плечами, пытаясь освободиться от болезненного захвата и не выказать страх. Тщетно. Было ясно, на чьей стороне окажется победа. Потребовала, силясь говорить громко и уверенно, однако голос дрогнул:

– Убери руки!

– Повторить сказанное?

«Да и фиг с ним! Быстрее отвяжется. Если он не стыдится задавать такие вопросы, то и мне не стыдно отвечать», – мелькнуло в голове.

Упёрлась дерзким прищуром в лицо, процедила:

– Ещё не были. Со дня на день начнутся.

– Точно? Откуда знаешь?

Она язвительно фыркнула: каждое существо женского пола чувствует их приближение. Смерила гостя презрительным взглядом:

– Что тебя беспокоит, Красавин? Боишься, не залетела ли я? – Хамовато выплюнула: – Не трусь, парнище, всё в порядке.

– Вот и прекрасно, – не разжимая стальные пальцы, усмехнулся тот. – Сейчас убедимся в этом. Я привёз тесты на беременность.

– Чего? Пошёл к чёрту! Ничего не собираюсь проверять. И так знаю: всё нормально. Нет во мне твоих убогих потомков.

– Меня радует твоя убеждённость. Но этого мало, – теряя терпение, процедил Глеб. – Не усугубляй, Полина. Пока не увижу результат, не уеду. Пр-р-рекрати спорить! – раскатывая звук «р», яростно прикрикнул на новый протест. – Ты же знаешь, я всё равно добыю своего.

Она горько усмехнулась:

– Да уж, имела несчастье убедиться в твоей настырности. Давай сюда тесты, быстрее свалишь.

Размяв освобождённые плечи, остановилась, недоумённо крутя коробочки:

– Как ими пользоваться?

Глеб закатил глаза:

– Даже я знаю как, Полина! Внутри аннотация. Почитай.

Полина с нарочитой неторопливостью осмотрела красные вмятины на коже, оставшиеся от хватки, только после этого присела на стул. Если Викин жених спешит, пусть катит отсюда, раз его не устраивают темпы. Она ни под кого не прогнётся.

Пока Полина, безглаголиво кривясь, вникала в тонкости препарата, Красавин с совершенно благодушным видом отключил газ, снял с плиты закипевшую воду. Деловито промыв заварной чайник, приготовил в нём свежий напиток.

Он или действительно успокоился, или умело держал себя в руках. Не спрашивая разрешения, по-хозяйски залез в навесной шкафчик, протёр стол, поставил кружки, тарелки.

Вынул из бумажного пакета рогалики, при этом немного смущённо взглянув на Полину, предложил:

– Хочешь, растоплю шоколад, как ты любишь?

Она сделала вид, что не услышала. Глеб не стал повторять.

– Давай перекусим, потом сходишь в ванну, – предложил он, растягивая губы в улыбку. – Как раз материал для анализа накопится. Тебе в которую кружку налить: большую или поменьше?

Не отвечая, Полина придвинула ближнюю. Склонилась, чтобы не встречаться с ним взглядом. Сердито оттолкнув го-

стинцы, достала недоеденный утром бутерброд.

Красавин, помедлив, вгрызся в рогалик.

Он вроде бы по-прежнему шутил, как в те времена, когда они были друзьями, демонстрировал непринуждённость, но всё было напускным.

Девушка это чувствовала. По тому, как он то и дело заглядывал в её лицо, по нервозности и как часто неестественную весёлость менял изучающий взгляд.

Во всём угадывалось напряжение, которое волей-неволей передалось Полине и постепенно трансформировалось в страх.

Сердце начало тревожно барабанить: а вдруг?

Она краем уха слышала об экстренных средствах контрацепции, знала, что ими надо воспользоваться в кратчайшие сроки после акта.

Даже хотела купить, но не купила: первый день прошёл как в тумане.

Да и второй был не лучше.

Кроме того, в чужой стране было стыдно обращаться в аптеку и объяснять, что именно ей нужно, людям, плохо понимающим язык.

Потом перелёт и два дня в гостях у тёти, затем ещё один день ушёл на дорогу домой.

В общем, время было упущено, сообщил интернет, когда она вспомнила о таблетках.

Ну и ладно.

Полина твёрдо знала: всё в порядке, не будет никаких последствий.

Однако все три теста были с ней несогласны.

Она сидела на опущенной крышке унитаза, судорожно хватала воздух и не верила глазам. В висках гулко бился пульс.

Очнулась от громкого стука и требования:

– Полина, ты там заснула? Полчаса сидишь. Выходи.

Перевела расфокусированный взгляд на дёргающуюся под ударами Красавина дверь. Сглотнула, не в силах произнести ни слова пересохшим ртом.

– Открой! – незваный гость громыхнул кулаком.

Неуверенно поднялась, держась за стену. Откинула старый гнутый крючок, беспомощно подняла глаза.

Глеб побледнел, всё поняв по застывшему лицу. Вырвал тесты с ярко выраженными полосками из похолодевших пальцев, с ненавистью смял и швырнул на их пол. Только что не растоптал. Яростно пнул стул, с грохотом посылая его в угол.

Над головой прогремело:

– Как же так, Полина? О чём ты думала? Почему вовремя не приняла меры? У нас с Викой свадьба в сентябре, а тут ты... Со своей... плодовитостью! – Глеб зло кивнул на её жи-

вот. – Мечтаешь привязать меня своим спиногрызом?

Глава 34. Мерзость

– Что? – всхлипнула девушка. – Хочу привязать тебя? Я ещё и виновата?!

Не сдерживаясь, со всем отчаянием ударила его в грудь:

– Тебе надо было думать, прежде чем влезть на другую, имея невесту! Урод! Может, это ты мечтаешь привязать меня? Зачем ты припёрся сегодня? Я тебя не звала, убирайся отсюда!

Закрыла лицо руками, плюхнулась на диван и без стеснения зарыдала. Вот угораздило вляпаться!

Он опустился рядом, крепко стиснул запястья и то ли застонал, то ли прорычал, не разжимая зубов:

– Пойми, я люблю Вику! Слышишь? Ви-ку! Как до тебя не доходит: я никогда не женюсь на тебе. Ни-ког-да!

– Ты точно ненормальный. Или глухой? Кого хочешь убедить? Запомни: ты мне не нужен, я не прошу жениться на мне. Просто уходи. Дверь закрой и уходи. Навсегда. Не приезжай и никогда не напоминай о себе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.